

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ

ТРЕТИЙ ГОД

№ № 1-15

226-е по 240-е заседания

6 января - 4 февраля 1948 года

Нью-Йорк

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Двести двадцать шестое заседание	
1. Предварительная повестка дня	1
2. Доклады Генерального Секретаря о полномочиях представителей Аргентины и Канады в Совете Безопасности	1
3. Приветственное слово Председателя, обращенное к трем новым членам Совета Безопасности	1
4. Утверждение повестки дня	2
5. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире	2
Двести двадцать седьмое заседание	
6. Предварительная повестка дня	4
7. Доклады Генерального Секретаря относительно полномочий представителей Канады, Соединенного Королевства и Украинской Советской Социалистической Республики	4
8. Утверждение повестки дня	5
9. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	5
Двести двадцать восьмое заседание	
10. Предварительная повестка дня	18
11. Утверждение повестки дня	18
12. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	18
Двести двадцать девятое заседание	
13. Предварительная повестка дня	45
14. Утверждение повестки дня	45
15. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	45
16. Каблограмма председателя Комитета добрых услуг по индонезийскому вопросу от 17 января 1948 года на имя Председателя Совета Безопасности	64
Двести тридцатое заседание	
17. Предварительная повестка дня	64
18. Утверждение повестки дня	64
19. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	64
Двести тридцать первое заседание	
20. Предварительная повестка дня	72
21. Утверждение повестки дня	72
22. Обсуждение индо-пакистанского вопроса	82
Двести тридцать второе заседание	
23. Предварительная повестка дня	85
24. Утверждение повестки дня	85
25. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	85

	Стр.
Двести тридцать третье заседание	
26. Официальное сообщение	103
Двести тридцать четвертое заседание	
27. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	105
Двести тридцать пятое заседание	
28. Предварительная повестка дня	116
29. Утверждение повестки дня	116
30. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	116
Двести тридцать шестое заседание	
31. Предварительная повестка дня	136
32. Утверждение повестки дня	136
33. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	136
Двести тридцать седьмое заседание	
34. Предварительная повестка дня	146
35. Утверждение повестки дня	146
36. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	146
Двести тридцать восьмое заседание	
37. Предварительная повестка дня	156
38. Чествование памяти Мохандаса К. Ганди	157
Двести тридцать девятое заседание	
39. Предварительная повестка дня	161
40. Утверждение повестки дня	161
41. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	161
Двести сороковое заседание	
42. Предварительная повестка дня	181
43. Утверждение повестки дня	181
44. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	181

ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Суббота 24 января 1948 года, 10 ч. 30 м. утра Лейк Соксес, Нью-Йорк

Председатель: Г-н Ф. ван-ЛАНГЕНХОВЕ (Бельгия)

Присутствуют представители следующих стран: Аргентины, Бельгии, Канады, Китая, Колумбии, Сирии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Украинской Советской Социалистической Республики, Франции.

28. Предварительная повестка дня (документ S/Agenda 235)

1. Утверждение повестки дня.
2. Индо-пакистанский вопрос:

а) Письмо представителя Индии от 1 января 1948 года на имя Председателя Совета Безопасности относительно положения в княжестве Джамму и Кашмир (S/628)¹.

б) Письмо министра иностранных дел Пакистана от 15 января 1948 года на имя Генерального Секретаря относительно положения в княжестве Джамму и Кашмир (S/646)².

с) Письмо министра иностранных дел Пакистана от 20 января 1948 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/655)³.

29. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

30. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)

По приглашению Председателя, представитель Индии г-н М. С. Сеталвад и представитель Пакистана сэр Мохаммед Зафрулла-хан, занимают места за столом Совета.

С этого момента вступает в действие система параллельных переводов.

Сэр Мохаммед ЗАФРУЛЛА-хан (Пакистан) (*говорит по-английски*): Мой ученый друг, выступавший вчера в Совете Безопасности [232-е и 234-е заседания] от имени Индии, — очень выдающийся адвокат; по-моему, из всех практикующих в настоящее время в Индии адвокатов он является самым выдающимся. Я всегда ценил его не только как весьма способного адвоката, но и как адвоката, обладающего большим чувством справедливости. Он всеми силами старался вчера убедить меня, что я ошибался относительно его чувства справедливости. Однако я признаю, что обстоятельства, с которыми мы имеем дело, исключительны, и несмотря на очень резкие эпитеты, которые он позволил себе употребить, говоря о моей речи, я буду попрежнему придерживаться о нем того мнения, которое я всегда о нем имел.

¹ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, третий год, Дополнение за ноябрь 1948 года, стр. 139-144 англ. текста.

² Там же, Дополнение за ноябрь 1948 года, стр. 67-87 англ. текста.

³ Там же, № 6, 231-е заседание.

Он сначала обвинял меня в том, что я сделал несколько неверных заявлений. Первое из них касалось бригадира армии княжества Джамму Худа Бакша. Я объявил о полученном через Associated Press сообщении о его убийстве. Мы очень рады были узнать, что сообщение это неверно. Однако я не сделал ложного заявления; сообщение это было передано, и мы не знали, что оно является неверным. Мы радуемся, что оно не соответствует действительности.

Далее, представитель Индии обвинял меня в попытке представить членам Совета Безопасности в неправильном освещении то, что произошло с моим собственным домом. Я категорически заявляю, что я упомянул о своем собственном доме отнюдь не в порядке определенной жалобы и не хотел высказать недовольство по поводу происшедшего. В то время, как миллионы людей лишились крова и всего своего имущества, испытывали страдания и подвергались всяческому лишению, было бы неуместно упоминать о потере своего собственного дома. Я привел этот случай как пример того, как, несмотря на достоверные сведения о случившемся, правительство Индии, тем не менее, предпочло все это отрицать. Я привел этот случай как доказательство того, что такого рода происшествя были и, тем не менее, отрицались, и я боюсь, что они снова имеют место. Попытки доказать мне, что вообще ничего не произошло, — если не считать небольшого количества разграбленных вещей, — трудно правильным образом охарактеризовать.

На самом деле произошло вот что: в течение пяти дней, с 27 сентября по 1 октября, дом этот грабили солдаты и сикхи. Это был большой дом; в нем было девять спален, одиннадцать ванных комнат, шесть приемных комнат, несколько контор; при нем было несколько гаражей, флигель для управляющего, пять акров сада, фруктовый сад и т. д.; поэтому разграбить его в короткий срок нельзя было.

Чисто случайно, вчера вечером мне попала в руки издающаяся в Дели газета, в которой я обратил внимание на статью — вторую из серии статей, описывающих происшествия, имевшие место в Кадьяне, где расположен мой дом и где, кстати сказать, находится центр религиозного движения, миссии которого разбросаны по всему свету. Эта вторая статья описывает происшедшие за этот период инциденты, начиная с № 31 и кончая № 46.

Могу упомянуть при этом, что по моей просьбе и по просьбе других выдающихся членов указанного мною движения правительство Индии прислало военный отряд, который был там расквартирован для нашей защиты, а также полицейские подкрепления. Я укажу здесь на три или четыре из этих инцидентов, чтобы показать, что произошло в этих местах, несмотря на эту предоставленную нам защиту. Один из инцидентов описан следующим образом: «22 сентября полиция и военные чины с 6 ч. утра до 11 ч.

вечера производили обыск в домах, принадлежащих главе движения и его братьям. Все было открыто настезь; замки были взломаны и полицейские и солдаты без предупреждения врываются в комнаты женщин. Ничего подозрительного обнаружено не было, но все оружие, несмотря на имеющиеся в каждом отдельном случае разрешение, было забрано и еще не возвращено обратно».

Когда полицейские солдаты ворвались в помещения женщин, они тем самым нанесли оскорбление, серьезное значение которого может быть в достаточной степени оценено только теми, кто знаком с бытом уважаемых семейств на Востоке.

Инцидент № 34 изложен следующим образом: «24 сентября полиция производила обыски в домах, расположенных в квартале, называемом Даруш Шукур, и хотя они не нашли ничего подозрительного, они забрали с собой драгоценности, деньги и другие предметы ценой в несколько тысяч рупий, а также пять молодых девиц, принадлежащих к группе беженцев, которые были затем приведены обратно».

Инцидент № 35 изложен следующим образом: «25 сентября четыре мусульманских беженца, живших в доме, называемом Ашиана Мубарик, в квартале, называемом Дарул Анвар, были убиты полицией, а жены их были похищены».

Инцидент № 36 изложен следующим образом: «27 сентября сикхами, при содействии полиции, было похищено 5 000 голов скота, принадлежащих беженцам, живущим в лагере, в вышеупомянутом Кадане, вместе с автомобилями и другими перевозочными средствами, нанятыми беженцами для своего переселения».

Инцидент № 37 изложен следующим образом: «Дом Зафрулла-хана, Байтул Зафар, в квартале Дарул Анвар, был — так в газете и сказано — «почти начисто разграблен солдатами. Грабеж этот продолжался пять суток. Каждую ночь военные грузовики подъезжали, забирали мебель и другие вещи и увозили их. Лошади и скот были также забраны».

Инцидент № 38 изложен следующим образом: «29 сентября 1947 года Мульви Ахмед-хан Назим, заведующий местными миссиями, и Мульви Абдул Азиз, заведующий справочным отделом, были арестованы по обвинению в грабеже».

Инцидент № 39 изложен следующим образом: «29 сентября 1947 года был разграблен ряд других домов в квартале Дарул Анвар, в том числе дома полковника д-ра Атаулла, помощника генерального директора медицинского ведомства в Пакистане, дом Абдул Хашим-хана, отставного инспектора школ, и дом Абдул Рахим Дарда, бывшего миссионера, заведывавшего прежде миссией в Лондоне».

Инцидент № 40 изложен следующим образом: «30 сентября 1947 года полиция запретила местным уборщикам мусора чистить дома мусульман и убирать из них мусор, в результате чего отхожие места оставались не вычищенными, что имело очень нежелательные последствия».

Инцидент № 43 изложен следующим образом: «2 октября 1947 года полиция, следуя полученным приказаниям, запретила молоть на кадиан-

ских мельницах зерно, принадлежащее мусульманам, в результате чего собранные в Кадане мусульмане, в число которых входили женщины, дети и старики, были вынуждены в течение многих дней питаться вареной пшеницей, что вызвало много желудочных заболеваний».

Инцидент № 44 изложен следующим образом: «2 октября 1947 года полиция заняла помещения колледжа Талимул Ислам и технического института Фазле Умар, забрала всю их мебель, машины и инструменты и изгнала оттуда преподавательский состав».

Бесполезно упоминать о других инцидентах, но это дает подробную картину того, что делали полиция и солдаты. Представителю Индии легко утверждать, что это все случаи «массового психоза», — эти случаи никак не могут быть отнесены к категории «массового психоза» — и повторять, что ничего не случилось. Представитель Индии признал, что действительно в городе, где из 15 000 жителей 13 000 были мусульмане, число последних сократилось теперь до 300. Однако он от этого просто отмахивается, говоря: «Что же, подобные вещи происходили и во многих местах в Западном Пенджабе». Это — типичный пример того, как неправдой нельзя исправить другую неправду.

Представитель Индии лишь обратил внимание Совета на приведенный нами случай обвинения почтовых служащих в Джамму, когда он сказал: «Вопрос этот не требует дальнейшего рассмотрения: мы отрицаем, что это вообще имело место». Мне было сказано, что я не указал на источник моих сведений, когда я утверждал, что это избиение действительно произошло. Позвольте мне указать на этот источник: это меморандум от 10 декабря 1947 года, INV/R-57/2, посланный главным почтмейстером в Лахоре главному директору Пакистанского ведомства почт и телеграфов в Карачи и озаглавленный: «Избиение почтовых служащих в Джамму». В меморандуме сказано: «Ссылаясь на Ваш ДО номер E69-5 Кашмир/47 и на сопроводительный документ нашей канцелярии № INV/R-57/2 от 5 ноября 1947 года, сообщаю, что директор почтовых отделений сикхотского района передал теперь полученную им информацию».

Таково полное заглавие того документа, из которого я приводил цитату. Это официальный документ, составленный на основании произведенных дознания и расследования. Мы видим тут снова наглядный пример того, как реагирует правительство Индии, когда дело касается инцидентов такого рода. Несмотря на приведенные точные детали, его ответ все тот же — инциденты эти никогда не имели места.

Представитель Индии далее высказался о причинах, вызвавших волнения и столкновения между представителями различных религиозных групп. Я не хочу повторять того, что он уже сказал об этих инцидентах. Совет Безопасности уже вдоволь об этом наслышался. Когда Совет приступит к рассмотрению жалобы, представленной пакистанским правительством [документ S/646], он услышит другие подробности, относящиеся к этому вопросу. Однако некоторые замечания, касающиеся некоторых сторон этого вопроса, необходимы.

Представитель Индии привлек внимание Совета на события, имевшие место в Калькутте. Меня очень поразило его утверждение, будто калькутская резня была начата мусульманами. Все это дело было предметом судебного следствия; была учреждена следственная комиссия. Представитель Индии заявил, что следствие было прекращено 15 августа. Но к этому надо добавить, что следствие было прекращено по требованию правительства Западной Бенгалии. Правительство Западной Бенгалии по своему составу принадлежит к партии конгресса.

Я старался также проверить те свидетельские показания, которые были собраны этой комиссией, и нашел, что из этих показаний вытекает с полной несомненностью по крайней мере один факт, а именно, что в первый день резню начали индусы и что в течение первого дня подавляющее большинство раненых, помещенных в больницу, были мусульмане. Так, в частности, обстоит дело в одном из кварталов северной Калькутты. Один индусский домовладелец, желая избавиться от своих мусульманских жильцов, живших на его земле в маленьких хибарках и домиках, и таким образом очистить площадь для постройки на ней больших домов с квартирами и конторскими помещениями, умышленно призывал к избиению мусульман и они почти все были перебиты. Из свидетельских показаний явствует, что в этом квартале было много узких переулков и тупиков и что когда началась резня многие из жителей были убиты, не будучи в состоянии найти выхода из этого лабиринта.

Примеру Калькутты последовал город Ноахали, где, к несчастью, произошло, несомненно, избиение индусов. По мнению бывшего в то время губернатором г-на Борроуса, при этом было убито не менее 200 человек и многие были, что называется, «насильственно обращены».

За этими инцидентами последовали инциденты в Бихаре. По очень скромному подсчету, число убитых мусульман достигало 30 000. Целые деревни были сожжены дотла и разрушены, и во всем этом виден заранее обдуманый план полностью истребить проживающих в этих районах мусульман.

В Гхармхтепваре, во время торжества по случаю индусского праздника Холи, на берегах Ганга, было, как я уже раньше об этом упоминал, убито большое число мусульман, в том числе и мусульманские офицеры, бывшие на дежурстве для оказания помощи индусским устроителям торжества, для надзора за соблюдением санитарных условий и для принятия мер полицейского характера.

Но все это относится, в конце концов, к числу столкновений и беспорядков, имевших в прошлом место на почве религиозных разногласий. Переходя к событиям более недавнего времени, представитель Индии проявил известную изобретательность, когда он говорил о создавшемся положении. Он сказал, будто я жаловался на полное истребление мусульман на территории княжеств Вхаратпур и Альвар во время начавшейся там в июне и июле 1947 года резни, тогда как это было сделано вооруженными силами правителей этих княжеств и не было случаем столкновений и беспорядков, возникших на почве религиозных

разногласий, так как эти люди были убиты и изгнаны по приказанию правителей и вооруженными силами этих правителей. Представитель Индии заявляет: «Правительство Индии не несет за это ответственности, так как княжества эти примкнули к Индийскому Союзу лишь во второй половине августа».

Я сказал, что в своем ответе он проявил изобретательность. Но, во-первых, убийства и высылки продолжались и в сентябре. Во-вторых, заявления о присоединении этих княжеств к Союзу были поданы через генерал-губернатора и он мог потребовать от них, как условие их принятия, восстановления порядка в их собственной стране. В-третьих, индийские княжества не имели и не имеют права непосредственно сношения с иностранными государствами. Они могли сношения с иностранными государствами в то время лишь через посредство тогдашнего правительства Индии, а после того лишь через посредство теперешнего индийского правительства. Поэтому вся ответственность по принятию мер для борьбы с этим злом лежит на правительстве Индии.

Однако представитель Индии ни одним словом — так-таки ни одним словом — не упомянул, например, о страшной резне в Калуртале, в результате которой было совершенно уничтожено мусульманское население, составлявшее там до этого большинство. Княжество Калуртала присоединилось к Индии как раз в тот момент, когда происходила эта резня. Далее, представитель Индии не сказал ни слова по поводу Фаридкота, Джинда и Патиалы, где мусульманское меньшинство было совершенно истреблено в то время, как эти княжества присоединялись к Индии.

Теперь мы переходим к вопросу о Восточном Пенджабе. Представитель Индии ссылаясь на речь вождя сикхов Тара Синга, который со ступеней лестницы палаты представителей в Лагоре заявил, вытащив свой меч из ножен и потрясая им в воздухе: «Вопрос о том, будет ли Пакистан существовать как самостоятельное государство или нет, будет решен между мусульманами и сикхами посредством меча. Мы увидели грозившую нам опасность. Мы приняли свои меры. Наши добровольцы стоят наготове». Представитель Индии сказал [232-е заседание], что речь эта была произнесена, когда беспорядки были в полном разгаре. Позвольте мне указать Совету Безопасности, что речь эта была произнесена 28 февраля. До этого момента ни в Восточном, ни в Западном Пенджабе не происходило вообще никаких столкновений между представителями религиозных общин.

Представитель Индии согласился с тем, что дата 28 февраля указана правильно, но он не согласился с последней частью моего заявления. Однако вопрос идет об историческом факте, который может быть легко установлен. Я сказал, что за речью вождя Тара Синга последовал ряд подобных же речей, произнесенных другими вождями сикхов, в том числе Джинани Картар Сингом, причем последняя речь была произнесена в тот же или на следующий вечер в Калурталском дворце в Лагоре. Все эти речи были в том же духе; они грозили, что все мусульмане будут изгнаны за Инд, на северо-запад. За этими речами последовала 2 марта речь Нанак Синга, местно-

го вождя сикхов, которую он произнес в Мультане и в которой он заявил, что в этом году индусы и сикхи намерены «торжественно отпраздновать праздник Холи». Как я уже объяснял, — это индусский праздник, который наступал через два или три дня. Это своего рода карнавал, во время которого участвующие, между прочим, опрыскивают друг друга окрашенной в красный цвет водой. Нанак Синг заявил, что им хочется в этом году «торжественно отпраздновать праздник Холи», применяя не окрашенную в красный цвет воду, но красную кровь. За этими заявлениями и заявлениями, сделанными в Мультане и Равальпинди, последовали беспорядки, во время которых было убито несколько сикхов. Представитель Индии извратил факты, заявив, что эти речи явились ответом на эти беспорядки. На самом деле, эти речи были произнесены еще до беспорядков и вызвали их. Это — исторический факт. Однако события в Западном Пенджабе отличаются от событий в Восточном Пенджабе тем, что беспорядки в нем имели место в марте и были быстро подавлены. Тогда имело место несколько отдельных инцидентов, а позднее, во второй половине августа и в сентябре, после резни в Восточном Пенджабе, имели место ответные выступления. Однако, если мы обратимся к изучению того, что ими двигало, то мы увидим, что они являются проявлением массового психоза. Напротив, в Восточном Пенджабе мы имеем дело с правильно организованной кампанией, систематически проводимой в одном секторе за другим.

Я дал Совету Безопасности несколько указаний относительно инцидента в самом Кадиане. Однако это лишь один из самых незначительных инцидентов, имевших место в Восточном Пенджабе. Но даже в Восточном Пенджабе эти инциденты еще не прекратились. Они продолжают. Последний инцидент произошел в Аджмере. Представитель Индии обратил внимание Совета Безопасности на Аджмер. Изложив происшедшее в своем собственном освещении, он дал довольно странное объяснение, почему, по его мнению, мусульманам не могла быть оказана полная защита. Он заявил: трудно было оказать полную защиту мусульманам в Аджмере, так как там имеются две группы мусульман, между которыми существуют разногласия относительно того, кто должен заведывать находящейся там святыней.

Прошу представителя Индии меня извинить, если я скажу, что я совершенно неспособен понять его аргументацию. Прежде, когда мне приходилось давать оценку его доводам, я никогда не испытывал этого затруднения. Это первый случай. Я не вижу никакой связи между тем фактом, что защиты не было, и объяснением, что между двумя группами мусульман существуют разногласия относительно заведывания святыней и поэтому их нельзя вполне защитить от истребления индусами.

Далее, представитель Индии сказал, что недавно произошли события, — одно в Западном Пенджабе, другое в Верхнем Синде, — указывающие на то, что подобные инциденты имеют место также и в Западном Пенджабе. Если это означает, что, к несчастью, инциденты все еще происходят, то это не отрицалось. Если это означает, что во время этих беспорядков, происхо-

дивших в районах, заселенных главным образом мусульманами, жертвами явились немусульмане, то и это также не отрицалось. Все это было мной подробно изложено в моей речи и по этому поводу мной было высказано сожаление. Однако, когда говорят, что одни инциденты компенсируются другими инцидентами, то против такого утверждения я восстаю.

В Гуджрате большое число людей было убито в поезде. В сегодняшнем номере газеты New York Herald Tribune появилось под заглавием «Война из-за Кашмира» сообщение Маргариты Партон относительно различных инцидентов. В своем сообщении, на которое я обращаю ваше внимание позднее, когда я буду говорить о Кашмире, она рассказывает, как она с группой других корреспондентов отправилась в эти края. Она говорит: «Перед самым въездом в Гуджрат стояла группа горцев и крестьян рядом с четырьмя изуродованными трупами. Так как такого рода картины все еще — обычное явление в этой столь необычайной стране, мы не остановили нашего автомобиля. Гораздо позднее мы узнали о происшедшей в это утро резне в поезде близ Гуджрата, во время которой было убито 174 немусульманина и 30 горцев».

Повторяю, что это весьма прискорбно. Потеря при таких условиях одной лишь человеческой жизни является прискорбным фактом. Я не намерен преуменьшать значение этого рода инцидентов, но нет надобности преувеличивать число жертв, вызванных ими. С другой стороны, сравните этот инцидент с инцидентами на поездах, происшедшими в Амритсаре 22 сентября. Поезд перевозил мусульманских беженцев под охраной войск индийского правительства. В Амритсаре на него напала толпа, состоящая из сикхов. Конвой, состоявший из войск индийского правительства, отказался стрелять в толпу. Единственным лицом, открывшим огонь, был британский офицер, начальник конвоя, который был убит. Не выяснено, кем он был убит, нападавшими ли на поезд или чинами его собственного конвоя. В поезде этом было 4 500 беженцев. Больше 3 000 было убито. Больше 1 000 человек получило серьезные ранения. Когда поезд прибыл в Лахор, находящийся всего лишь на расстоянии одного часа езды от Амритсара, то из поезда невредимыми вышло не больше 200 человек. Но дело тут не столько в числе жертв, хотя оно достигает размеров бедствия, сколько в поведении конвоя, предназначенного для охраны тех несчастных, которых они конвоировали. Мы еще не знаем, какому наказанию был подвергнут этот конвой военными властями, подчиненными правительству Индии.

Перехожу снова к Карачи, где произошел другой весьма прискорбный инцидент. Туда, вопреки соглашению, заключенному между правительством княжества Синд и верховным комиссаром для Индии, прибыло из Верхнего Синда несколько сикхов, о чем верховный комиссар, знавший, что при теперешних условиях один вид сикхов способен вызвать ярость со стороны мусульманских беженцев, пострадавших от руки сикхов в Восточном Пенджабе, не был даже предупрежден. Сикхи прибыли, наняли извозчиков и поехали через улицы Карачи в свой лагерь. Это вызвало

большое возбуждение и привело к весьма прискорбному инциденту, во время которого от шестидесяти до восьмидесяти человек было убито и несколько домов разграблено. Снова военный отряд тотчас же по прибытии на место происшествия восстановил полный порядок. В городе было запрещено выходить на улицу, министры и другие лица лично содействовали подавлению беспорядков, и через два часа порядок был восстановлен и с тех пор он полностью поддерживается.

В связи с этим позвольте мне обратить внимание Совета Безопасности на заявление, сделанное видными представителями немусульманских кругов в Карачи по поводу отношения правительства к этому вопросу. Изложив подробно весь инцидент и имевший место грабеж, они заявили:

«Несмотря на наше глубокое горе, мы считаем своим долгом выразить наше чувство благодарности всем тем мужчинам и женщинам, — как гражданам Синда, так и прочим, — которые помогли водворить порядок и в нужных случаях защищали и предоставляли свой кров лицам, пострадавшим от грабежа. В связи с этим мы считаем долгом указать на трех лиц, проявивших больше всего усилий при восстановлении порядка в городе, а именно: на г-на А. М. Хуро, синдского премьер-министра, который работал день и ночь и проявил большую решительность и мужество; на генерал-майора Акбар-хана, командующего синдским военным округом, и на г-на Казем Раза, помощника генерального инспектора полиции города Карачи. Мы выражаем также благодарность чинам армии и мусульманского национального ополчения в Карачи, выполнившим свой долг с честью. Наконец, мы не находим достаточно слов, чтобы благодарить надлежащим образом синдских мусульман, в том числе наших братьев из Макрани и Белуджистана, которые, как добрые соседи, без всякого колебания оказывали посильную помощь пострадавшим. Мы выражаем также нашу признательность министрам пакистанского правительства и министрам синдского правительства за проявленные ими подлинное сочувствие и максимальную помощь».

Они уже объяснили, что в инциденте виноваты находившиеся в Карачи беженцы и что само население города Карачи в нем не участвовало.

Вот та картина, которая послужила основанием для наших утверждений относительно происшедшего и еще происходящего в некоторых районах доминиона Индии. Здесь говорили, что существуют обширные районы, где население живет в мире. Я этого не отрицал; фактически я это признал. В своих обвинениях я ограничился Восточным Пенджабом, граничащими с ним княжествами и некоторыми районами Раджпутаны, но зло распространяется и с ним можно справиться, только если будут приняты надлежащие меры.

Сравните условия жизни в Карачи с тем, что происходило в Дели с самого начала сентября и продолжается еще до сих пор. Старались указывать в виде довода на тот факт, что Махатма Ганди делает все от него зависящее для восстановления мирных условий жизни. Мы это призна-

ем и благодарим г-на Ганди за все его усилия. Он даже объявил голодовку, не останавливаясь перед смертным ее исходом, с целью добиться примирения между обеими национальными группировками, и мы вполне воздаем ему за это должное. То, чего ему удалось достигнуть в результате своей голодовки, весьма похвально и заслуживает большой признательности, но это точно характеризует положение вещей в Дели. Путем голодовки ему удалось добиться того, что правительство Индии, а также мусульмане и немусульмане пришли к соглашению относительно следующих семи мероприятий:

1. Ежегодно разрешается праздновать мусульманский праздник у святилища Мэраули близ Дели. Слово «разрешается» показывает, что до сих пор оно не разрешалось. Махатме Ганди пришлось перенести голодовку, чтобы обеспечить за мусульманами это право.

2. Немусульмане должны очистить мечети. Это означает, что мечети заняты немусульманами или под жилые помещения, или в качестве убежищ, или для каких-либо других целей. Мечеть имеет для мусульман, в зависимости от ее величины, такое же значение, как церковь, часовня или собор.

3. Мусульманам в Дели должна быть гарантирована безопасность.

4. Покинувшим Дели мусульманам будет, в случае их возвращения, оказан хороший прием — это одно из тех положений, которого мы хотим добиться для обеих сторон.

5. Мусульманам должен быть обеспечен безопасный проезд по железным дорогам.

6. Мусульман не будут подвергаться социальному бойкоту.

7. Мусульманам в Дели должна быть предоставлена свобода при выборе местожительства и их не следует принуждать селиться в известных районах, т. е. другими словами, их не следует насильно селить в гетто.

Вот те требования, для достижения которых Ганди пришлось объявлять голодовку, и это является красноречивым свидетельством того, каковы условия, которые продолжают царить в столице Индии Дели. Представитель Индии утверждал, что это — проявления массового психоза и что основной причиной этого является та идеология, основанная на ненависти, которую проповедывала Мусульманская лига. Это слишком обширная тема, приступать к рассмотрению которой сейчас невозможно, а что касается ее корней, то их пришлось бы искать далеко в историческом прошлом; но мне хочется лишь задать следующий вопрос: почему Мусульманская лига оказалась вынужденной выступить в защиту требования о разделе Индии и настаивать на нем? И почему это требование Мусульманской лиги нашло поддержку у подавляющего большинства индийских мусульман? Коротко говоря, это произошло потому, что царящий у индусов дух исключительности и кастовая система имели следствием проявляемую на всех ступенях общественной жизни дискриминацию против мусульман.

В конце концов, как я уже старался объяснить Совету Безопасности в своей первой речи [228-е заседание], мусульмане, требуя раздела, шли на

большой риск: в семи из одиннадцати провинций Индии они были в меньшинстве и только в четырех провинциях в большинстве. Они рисковали многим, а именно тем, что не менее 35 или 40 миллионов мусульман останутся в пределах Индии. Однако они имели при этом в виду две цели: во-первых, обеспечить, по крайней мере, для своего большинства равные права в разумных пределах; и, во-вторых, добиться некоторого рода равновесия. По этим причинам они настаивали на разделе.

Тут говорилось, что вся эта идеология имеет религиозную основу. Во-первых, я лично не вижу ничего плохого в том, чтобы идеология имела религиозную основу, поскольку она не ограничивает других в правах и не влечет за собой дискриминации. Однако это определение неправильно. Идеология эта не имеет религиозной основы. В Индии практиковавшаяся дискриминация против мусульман имела религиозное основание, и именно с целью улучшения этих условий и было внесено предложение о том, чтобы провинции с большинством мусульманского населения получили право образовать одно самостоятельное государство, а те провинции, где большинство населения составляют немусульмане, получили право образовать другое самостоятельное государство.

Если одно из этих государств построено на религиозной основе, то то же самое нужно сказать и о другом. Однако оно не построено на религиозной основе, так как мусульмане никогда не предъявляли и никогда не поддерживали требования об обмене населения, никогда не просили обмена с целью создать одно государство с чисто мусульманским и другое с чисто немусульманским населением. Это можно было бы приписать религиозным убеждениям. Тем не менее, они утверждали, что при теперешнем положении вещей провинции с большинством мусульманского населения должны получить право образовать одно государство, а провинции с большинством немусульманского населения — другое государство, при условии взаимной охраны и гарантий для меньшинств. В этом вопросе нет ничего несправедливого, основанного на религии, кроме того, что самый раздел Индии был проведен по религиозному признаку. Мусульмане всегда были в Индии меньшинством и если бы Индия объединилась под единым правительством, то они оставались бы постоянно в меньшинстве без возможности улучшить свое положение.

Разделение населения Индии на отдельные группы по религиозному признаку заходит так далеко, что, зная полное имя лица и будучи несколько знакомым с условиями тамошней жизни, можно легко определить, является ли данное лицо мусульманином, сикхом, индусом, христианином и т. д.

Как я уже указывал, мусульмане всегда оказывались в меньшинстве. После того как местное самоуправление, областные законодательные учреждения и, позднее, центральное законодательное учреждение стали выборными, мы констатировали, что в смешанных избирательных округах, где большинство избирателей было немусульманское, для мусульманина не было абсолютно никаких шансов быть выбранным, если

он не был сторонником Партии конгресса. Я приведу лишь один пример, который я считаю чрезвычайно ярким. Согласно нашему закону об университетах, я не помню точно 1902-го или 1904-го года, пенджабский университет, расположенный в провинции с мусульманским большинством, имел право выбирать восемь членов университетского сената, которые избирались окончившими университет лицами, имена которых зарегистрированы. Другие члены сената попадали туда другим способом — путем назначения, но восемь членов избирались из числа зарегистрированных лиц с университетским дипломом. Среди этих зарегистрированных лиц, окончивших университет, большинство состояло из немусульман. Из этих восьми членов университетского сената ни разу не был выбран мусульманин, за исключением одного раза, когда выбранный мусульманин принадлежал к Партии конгресса. Этот случай может быть назван типичным. В отчаянии, мусульмане были вынуждены требовать раздела, который дал бы им возможность в некоторых провинциях, где они составляют большинство населения, пользоваться одинаковым положением; в других же провинциях, где большинство принадлежит немусульманам, правила бы эти последние. Это было поныткой, во-первых, спасти хотя бы три пятых мусульманского населения от такого рода дискриминации, а во-вторых, прийти к какому-то равновесию. В данном случае мы не имеем дела с идеологией, основанной на религии.

В ответ на выставленное нами обвинение в преднамеренном геноциде, представитель Индии возразил, что со стороны сикхов было бы нелепо серьезно думать о переселении из Западного Пенджаба, где они владеют богатыми, орошенными посредством каналов землями, в Восточный Пенджаб и что у них не было никакого основания к принятию такого плана. Но план этот имел в виду в первую очередь те два богатые округа, Монгтомери и Лаялпур, о которых упоминал представитель Индии. Впрочем далее он сказал, что край этот был колонизирован сикхами. Это, однако, не вполне точно. Большинство населения этих округов — мусульмане; большинство колонистов там — мусульмане; большая часть пахотной земли принадлежит мусульманам. Тем не менее, никто не сомневается в наличии в этих округах значительного числа сикхов.

Я лично заявил в начале своей речи, что сикхи прекрасные крестьяне и земледельцы. Без сомнения, сикхи сделали очень много для колонизации этих двух районов. Однако и сам представитель Индии, выступая в Комиссии по разграничению, заявил, что хотя преобладающее большинство населения этих двух округов составляют мусульмане, тем не менее, эти округа должны быть присоединены к Восточному Пенджабу, так как среди крестьянского населения очень много сикхов. К счастью, с этим аргументом не согласились, но требование о передаче этих районов являлось частью плана — плана, разработанного не представителем Индии, но сикхами. План этот состоял в том, чтобы установить господство сикхов в любом районе Восточного Пенджаба, который им достался бы. Я уверен, что даже представителю Индии известно о

существовании плана — я о нем буду говорить позднее — об образовании Сикхистана, страны сикхов, или Халсастана, страны халсов, так как сикхов называют также «халсами». Может быть, план этот состоял в том, чтобы в соединении с другими сикхскими княжествами Восточного Пенджаба — Капуртала, Фаридкот и др. — и в особенности под начальством Сардара Пателя, образовать из всех этих районов единое сикхское государство. План этот имел в виду изгнать из всех этих районов мусульман, выселить из Западного Пенджаба сикхов и поселить их в этих районах. Были сделаны попытки провести в жизнь этот план при помощи предумышленного геноцида.

Вот документ, доказывающий существование этого плана, и то что план этот, вне всяких сомнений, был известен властям. Документ этот содержит отчет о некоторых инцидентах и составлен премьер-министром Пакистана. В начале июля 1947 года во дворце вице-короля состоялось заседание для обсуждения мероприятий против плана сикхов вызвать широкие беспорядки в Пенджабе. На заседании присутствовали лорд Маунтбаттен и другие лица. На этом заседании британский офицер уголовно-следственного отдела сделал подробный доклад о том, как сикхи тщательно готовятся к тому, чтобы вызвать беспорядки в значительной части территории Пенджаба. Приведенные доказательства были исчерпывающими и достоверными, и не могло быть сомнений относительно размеров приготовлений, делаемых лидерами сикхов, в том числе и правителями некоторых сикхских княжеств. Лорд Маунтбаттен категорически заявил, что он применит все имеющиеся в его распоряжении вооруженные силы для подавления этих беспорядков. Все присутствующие — в том числе, хоть и нехотя, Сардар Патель — согласились с тем, чтобы в качестве меры предосторожности были арестованы главные сикхские лидеры, в том числе и вождь Тара Синг, «господин с обнаженным мечом». Вопрос этот обсуждался также на заседании Совета по разделу, и лорд Маунтбаттен снова обязался применить все имеющиеся в его распоряжении силы — самолеты, танки, орудия и т. д. — для подавления всех попыток такого рода. Он заявил, что он в самой категорической форме сделал предостережения магарадже Патиалы и прочим лидерам сикхов. Однако никаких арестов произведено не было. Несколько позднее лорд Маунтбаттен заявил, что он решил не производить немедленного ареста сикхских лидеров, но арестовать их за неделю до объявления решения Комиссии по разграничению. Позднее он снова изменил свое намерение и заявил, что он примет против них меры одновременно с объявлением решения Комиссии, что, по его словам, будет иметь место не позже 11 августа 1947 года.

Решение Комиссии по разграничению было объявлено лишь после 15 августа, когда лорд Маунтбаттен сделался согласно конституции генерал-губернатором, потеряв тем самым все те полномочия, которыми он обладал, будучи вице-королем. Затем, 10 июля на заседании Совета по разделу — цитирую из самого протокола заседания Совета — лорд Маунтбаттен сам сделал следующее заявление:

«Его Превосходительство со всей ясностью указал Его Высочеству магарадже Патиалы и всем другим сикхским лидерам, с которыми он встречался, на те последствия, которые могут возникнуть в случае какой-либо попытки с их стороны оказать активное сопротивление. Ни одно сознательное свое ответственность правительство ни на одну минуту не допустит такого действия, в ответ на которое будут немедленно пущены в ход регулярные войска Индии. Ввиду того что эти войска имеют большое превосходство в смысле снабжения самолетами, танками, артиллерией и т. д., их вмешательство неизбежно причинит очень тяжелые потери тем, которые вооружены лишь винтовками и автоматическим оружием. Поэтому Его Превосходительство подчеркнул снова, что он надеется, что сикхские лидеры смогут обуздать своих подчиненных».

Однако они не смогли обуздать своих подчиненных.

Удивительно, что представитель Индии счел возможным пренебречь всем этим, когда он вчера цитировал заявление, сделанное лордом Маунтбаттеном в Лондоне о том, что не следует придавать слишком большого значения этим фактам, так как дело идет в конце концов всего лишь о 12 миллионах, что составляет лишь 3 процента всего населения Индии в целом. Насколько мне известно, 12 миллионов составляют приблизительно население всего доминиона Канады. Бесмысленно прекращать обсуждение этих вопросов, ссылаясь на процентное отношение. Несчастия человеческих существ должны вызывать сочувствие, и если существует какое-либо средство для борьбы с ними, то оно должно вызывать стремление его применить. Заявление, что дело идет о 12 миллионах людей, составляющих, однако, лишь 3 процента населения, с которыми можно поэтому не считаться, свидетельствует о жестокости, которая не вяжется с моим представлением о лорде Маунтбаттене.

Мы, со своей стороны, просили о производстве расследования и о наказании виновных.

Говоря об отдельных княжествах, мы утверждаем, что ответственность лежит на княжествах Вхаратпур и Алвар, также на княжествах Восточного Пенджаба, на их властителях, на их военных и их правительствах.

Что касается правительства Индии, то мы не говорили и не говорим, будто бы оно само, как таковое, руководило геноцидом или его совершило. Но мы утверждаем, что геноцид имел место в обширных районах, т. е. что была произведена попытка совершенного истребления одной группы населения другой организованной группой населения; что попытка эта была успешной и что как полиция, так и индийские военные части принимали в этой попытке активное участие.

Чего же мы требуем? Мы требуем, чтобы, кроме наказания виновных, этим 10 слишком миллионам населения были возвращены их дома и их имущество; чтобы они были поставлены в условия безопасности, которая должна им быть обеспечена под международным надзором, и чтобы в тех случаях, когда они имеют право на возмещение за понесенные убытки, таковое было им предоставлено.

Указывалось на то, что подобные же факты имели место и на другой стороне. Если они действительно имели место, то мы не хотим ограничивать расследования только одной стороной. Если подобные факты имели место на другой стороне, то мы охотно соглашаемся на производство расследования и на то, чтобы виновные подверглись наказанию. Мы во всяком случае готовы приветствовать — независимо от того, произошли ли эти факты в результате геноцида или нет — согласованное совместное усилие обеих сторон, под международным надзором, направленное на то, чтобы вернуть населению как той, так и другой стороны его дома и имущество и прийти к соглашению относительно возмещения за понесенные убытки. Мне кажется, что требование это довольно справедливо.

Перехожу теперь к вопросу о самом Кашмире. Представитель Индии в самом начале жаловался на то, что я в своей речи не коснулся отдельно некоторых из его обвинений. С целью удовлетворить его юридические требования, я заявляю теперь, что все те обвинения, которые я специально не затронул или быть может не затрону до конца нашей дискуссии, категорически отвергаются пакистанской делегацией.

Говоря об оперативных базах, представитель Индии привел один пример и обратил наше внимание на доклад офицера, состоящего при главном секретаре правительства Северо-западной пограничной провинции, в котором он заявляет, что во время своего пребывания в Парачинаре он сам наблюдал или ему сообщили, что в Парачинаре съехались люди, намеревавшиеся идти воевать в Кашмире. Если члены Совета Безопасности потрудятся взглянуть на имеющиеся у них карты этой местности, они увидят, что Парачинар расположен в верхнем конце Куррамской долины. Он лежит глубоко, даже очень глубоко внутри района, населенного горными племенами, живущими за пределами Северо-западной пограничной провинции. Утверждали, будто он лежит в самой Северо-западной пограничной провинции. Однако он лежит почти на границе Афганистана. Это территория, населенная горными племенами; это родина этих племен. Нельзя говорить, будто Пакистан устроил там свои базы. Если кто-то видел, что люди там собирались, чтобы идти войной против Кашмира, то это означает, что они собирались у себя дома или поблизости. Это единственный пример, относящийся к данному вопросу, приведенный представителем Индии.

Далее говорилось, что пакистанское правительство каким-то образом виновато в невыполнении некоторых своих международных обязательств, тем что оно отказалось продолжать политику Соединенного Королевства, занимавшего территорию этих горных племен, и отвело свои военные посты из районов, заселенных этими племенами. Такая политика была раз навсегда принята и в свое время объявлена пакистанским правительством; она состоит в том, что правительство хочет наладить дружественные отношения с горными племенами и не хочет больше относиться к ним с недоверием. Занимать территорию горных племен с успехом могли британцы, которые, несмотря на всю проявляемую ими в последнее время благожелательность, — хотя некоторые лица

продолжали до самого конца утверждать противное, — являлись все же иностранной державой. Политика британцев означала, что с целью подчинить себе пограничные племена или поддерживать среди них порядок, им приходилось все дальше проникать через эти весьма трудно проходимые районы среди очень свирепого и беспокойного населения. Пакистан объявил, что он отказывается от этой политики, и вывел свои военные посты. Политика эта требовала, помимо прочего, крупные финансовые издержки. Она требовала также расширения зоны военной оккупации. Эти финансовые издержки были тяжким бременем даже для всей неразделенной Индии. Для Пакистана это бремя могло быть непосильным. Но как бы то ни было, политика Пакистана не допускает военной оккупации. Даже британские государственные люди и люди, хорошо знакомые с пограничной полосой, далеко не всегда были все согласны относительно того, следует ли продолжать политику военной оккупации или добиваться соглашения и сотрудничества с горными племенами, с тем чтобы предоставить им самим возможность обеспечить свою собственную безопасность. Это разногласие существовало всегда. Пакистан решил придерживаться второго курса и не видит в этом ничего дурного.

Представитель Индии жаловался на то, что одним из последствий этой политики является возможность для горцев более свободно передвигаться с оружием в руках. Это так, но решение следовать этой политике было принято не с тем, чтобы дозволить этим горцам идти воевать в Кашмире. Решение следовать этой политике не могло быть принято, учитывая еще не происшедший инцидент. Решение следовать этой политике было принято 8 октября, а противная сторона заявляет, что, по ее сведениям, первый набег имел место 22 октября. Во всяком случае, таковы факты, относящиеся к политике военной оккупации.

Представитель Индии привел из статьи Дугласа Брауна, корреспондента газеты Daily Telegraph, следующее место: «Вожди племен утверждают, что в Кашмире постоянно воюет 60 000 патанцев, причем каждый человек воюет приблизительно в течение месяца. Они пользовались, по их словам, всеми дорогами, но, ввиду того что Пакистан отказался пойти им навстречу, они предпочли пройти через княжество Сват. Потери их достигают по настоящее время приблизительно 400 убитыми и 250 ранеными». Княжество Сват, если члены Совета Безопасности снова посмотрят на карту, находится почти на границе самого Кашмира и граничит со всей остальной частью территории, населенной горными племенами. Вот — один из ответов на утверждения представителя Индии, будто пакистанским правительством ничего не было сделано для того, чтобы остановить горные племена — именно жалоба самих этих племен на отказ Пакистана пойти им навстречу, ввиду чего они предпочитают переходить границу между Сватом и Кашмиром.

Позвольте мне теперь, в связи со всеми этими вопросами, обратить внимание Совета на статью, присланную из Лахора 19 января корреспонденткой газеты New York Herald Tribune Маргаритой Партон и опубликованную в сегодняшнем утреннем выпуске этой газеты. Статья эта гласит:

«Если Пакистан оказывает непосредственную помощь боевым частям «Азад» (свободные) в Кашмире, то доказательства этого скрыты от глаз любопытных иностранцев. Циркулирует масса подпольных слухов, противоречивых и парадоксальных, которые то сбивали с толку, то забавляли группу корреспондентов, сопровождавших пакистанского премьер-министра Лиакат Али-хана при его объезде пограничной полосы, в течение недели, которую эти корреспонденты только что провели на границе Пакистана и Кашмира. Во время всей этой поездки вдоль 600 миль границы мы не заметили ни баз, принадлежащих горцам, ни пунктов для военного обучения, ни складов оружия или боеприпасов, ни пакистанских солдат, пробравшихся на кашмирский фронт. Даже такие заслуживающие доверия наблюдатели, как британские офицеры и гражданские лица, отрицали наличие какой бы то ни было материальной помощи, которую Пакистан будто бы оказывает, как его обвиняет Индия, воюющим в Кашмире.

Вместо этого происходил целый ряд нелепых инцидентов и зрелищ, граничащих с мелодрамой. При наступлении сумерек откуда-то появились какие-то странные личности, рассказывавшие фантастические истории о каких-то интригах; другие, еще более странные личности, появлялись в полночь, для того чтобы говорить противоположное тому, что говорила первая группа. Повидимому, обе стороны лгали, но все вместе это создавало атмосферу, пропитанную таинственностью и полную напряжения, которую, как мне кажется, может рассеять лишь справедливое решение, вынесенное Организацией Объединенных Наций».

Затем та же корреспондентка Маргарита Партон указывает на другие стороны той же картины, говоря о разбегавших повсюду горцах и описывая другие события, но не упоминая ни словом о каких-либо организациях, о помощи со стороны государства, о базах и о военной подготовке, о существовании которых говорила противная сторона. Это сообщение следует рассматривать как удовлетворительный ответ на аргументы, выдвинутые по этому поводу представителем Индии. Оно является во всяком случае характерным для того положения вещей, которое там существовало, после того как он покинул Индию, а я — Пакистан.

Другим обстоятельством, из которого представитель Индии желал вывести соответствующее заключение, это — признанный им самим факт, что 60 000 или 70 000 жителей Пунча были бывшими солдатами, для командования которыми пришлось, по его словам, выписать офицеров. Однако, когда говорят «бывшие солдаты», то под этим не следует понимать только нижних чинов, пехотинцев или кавалеристов. Эти 60 000 или 70 000 сражались на стороне Объединенных Наций во время войны. Многие из них несомненно были офицерами. Этот аргумент действительно нельзя назвать очень убедительным.

Спрашивается, однако, каким образом отрицая существование центров военного обучения для горцев и утверждая, что горцы не нуждаются в военной подготовке, можно объяснить тот факт, что воюющие в Кашмире люди знают, как обра-

щаться с мортирами; что они умеют пользоваться 82-миллиметровыми гаубицами, оружием, никогда по нашим сведениям не применявшимся в Кашмире; что они умеют употреблять ручные гранаты, радиоаппараты и т. п., если они всему этому не обучались? Но представитель Индии забывает, что, согласно свидетельству нейтральных наблюдателей, как это видно из приведенной мною депеши ее специального корреспондента газеты New York Times, по самому скромному подсчету не менее 65 процентов людей, воюющих сейчас в Кашмире, составляет само кашмирское население. Сюда относятся жители Пунча, среди которых имеются бывшие солдаты и бывшие офицеры. Поэтому нет необходимости объяснять, каким образом эти горцы, если вообще таковые там имеются, могли научиться обращаться с этим оружием или с этими аппаратами, в том случае если эти люди вообще нуждаются в каком-нибудь специальном обучении.

В связи с этим забавно указать на одну фразу из прочитанной представителем Индии выдержки из лондонской газеты The Times от 13 января, причем он как раз одну только эту фразу выпустил из текста выдержки. Я не хочу приписывать это заранее обдуманному намерению. Может быть, эта фраза не имела особого отношения к цитируемому контексту. Вот ее текст: «По произведенным на основании достоверных данных исчислениям приблизительно 60 процентов вооруженных сил «Азада» составляют жители Пунча», т. е. бывшие солдаты, прошедшие соответствующее обучение, «35 процентов — лица, принадлежащие к горному племени патанцев и может быть 5 процентов — пенджабские мусульмане». Представитель Индии всей своей речью пытался в общем доказать, что все эти бои в Кашмире велись горцами, но это дает совсем неправильную картину, даже если придерживаться того отчета, на который опирается сам представитель Индии.

Ответом на это утверждение является предложение довольно наивного характера, сформулированное самим представителем Индии. В одной части своей речи он заявил, что если пакистанское правительство не в состоянии окончательно остановить просачивание горцев через Пакистан в Кашмир, то правительство Индии готово это сделать от имени пакистанского правительства, чтобы помочь ему таким образом выполнить свои международные обязательства. Я перейду позднее к разбору характера этих международных обязательств. Но как объяснить, что индийское правительство, которое считает таким трудным делом изгнание горцев из Кашмира, где их всего несколько тысяч, так стремится и с такой готовностью желает и жаждет начать войну в широких размерах против пограничных горцев, в надежде, что там оно сможет окончательно покорить пограничные горные племена? Как объяснить все это? Правительство Индии не может справиться с несколькими тысячами горцев в Кашмире и обращается по этому поводу в международный орган с жалобой, которой оно придает серьезное значение; тем не менее оно выражает готовность взять на себя контроль над всей пограничной полосой, населенной горными племенами. Я не смог найти для этого объяснения.

В действительности же дело в том, что, хотя горцы, может быть, и посылают некоторые подкрепления вооруженным силам «Азада» и Кашмира, однако, главный враг, с которым приходится воевать в Кашмире, это — сам кашмирский народ. Если бы народ не стоял за этим движением, если бы весь народ поддерживал шейха Мохаммеда Абдуллу, — как это утверждали тут вчера, — то как могло случиться, что все эти районы — Гилгит, окрестности Музаффабада, Ури, Мирпур и Риази, вся долина до самого Джамму — оказались во власти вооруженных сил «Азад» Кашмира? Дело в том, что народ с ними. Тут говорили, что народ не поддерживает этих налетчиков, извне, подстрекаемых Пакистаном с целью силою добиться присоединения к нему Кашмира. Однако такое положение тянется уже месяцами, и больше половины населенной части кашмирского государства находится во власти вооруженных сил «Азад» Кашмира.

В действительности же мы видим следующее: кашмирский народ восстал, чтобы освободиться от тирании Догров, причем поводом к этому послужила та резня, о которой я сейчас хочу сказать несколько слов; однако самый факт этой резни всецело и категорически отрицался представителем Индии до 22 октября, когда имел место первый набег. Движение это все расширяется. Без сомнения, оно встречает сочувствие со стороны горных племен, и я никогда не отрицал того факта, что борьба эта вызывает к себе сочувствие и во всем Пакистане. Однако инициатором этого движения, тем народом, который поддерживает главный удар и на долю которого выпала главная борьба, является сам кашмирский народ. Если бы это было не так, то через три дня движение было бы подавлено. Почему же оно все таки продолжается?

Что касается положения Национальной конференции и шейха Мохаммеда Абдуллы, то тут говорилось, что он является возлюбленным вождем кашмирцев, которые все готовы лобызать его ноги и который совместно с магараджей, провел это присоединение Кашмира к Индии. Как известно Совету Безопасности, в Кашмире существуют две политические группировки: Национальная конференция, председателем которой состоит шейх Мохаммед Абдулла, и Мусульманская конференция. Насколько мне известно, Национальная конференция возникла около 1938 года. Мусульманская конференция в то время уже существовала. На самом деле, как мне говорили, сам шейх Мохаммед Абдулла был избран членом Народного собрания на выборах 1935 года по списку Мусульманской конференции. Ныне положение таково, что лидеры Мусульманской конференции находятся в тюрьме, причем некоторые из них посажены туда магараджей, другие — по приказу шейха Мохаммеда Абдуллы, или, по крайней мере, с тех пор как шейх Мохаммед Абдулла стал во главе облеченного чрезвычайными полномочиями правительства, первым министром которого является г-н Махаджан.

Вчера здесь было заявлено, — в действительности об этом говорится в одной разосланной брошюре, посвященной вопросу о нашествии в Кашмире, — что о популярности шейха Мохам-

меда Абдуллы можно судить по следующим фактам: во время последних выборов, которые Национальная конференция бойкотировала, так как шейх Мохаммед Абдулла находился в тюрьме, из общего числа 607 419 избирателей только 200 000, как о том заявил представитель Индии, или только 182 800, как сказано в брошюре, участвовали в выборах.

Во-первых, выборы имели место в январе прошлого года, а в январе положение в большей части Кашмира было гораздо хуже, чем оно было здесь изображено перед членами Совета Безопасности; прибавьте к этому, что страна гористая и передвигаться по ней трудно. Поэтому уже само по себе понятно, что очень небольшое число людей могло принять участие в выборах в самом Кашмире. В Джамму дело обстоит бы иначе. В действительности, в двух избирательных округах, относительно которых мне удалось получить сведения, в выборах принимало участие в одном округе более 10 000 человек и более 6 000 в другом. Из выбранных членами народного собрания мусульман, число которых было двадцать один, четырнадцать принадлежало к Мусульманской конференции, несмотря на то, что, как я слышал, даже их лидеры были в то время под арестом, а в остальных семи избирательных округах были выбраны независимые. Однако вышло так, что, по формальным соображениям, все кандидаты Мусульманской конференции были отстранены. Так обстоит дело до сих пор, поскольку дело касается Национальной конференции и шейха Абдуллы. Впрочем, мне придется к этому еще вернуться, когда я коснусь вопроса о присоединении.

Иногда задавался вопрос: «Чем вызваны эти беспорядки в Кашмире?» На него отвечали: «Беспорядки в Кашмире вызваны тем, что Мусульманская лига, выступая в защиту идеологии, основанной на религии, и государства, построенного на религиозной основе, не может примириться с тем, что государство, большинство населения которого мусульмане, присоединилось к Индии, и настаивает на том, чтобы, будь то насильем или любыми другими средствами, как честными, так и нечестными, государство это было присоединено к Пакистану, несмотря на желание народа присоединиться к Индии».

Когда княжество Джунагад, находящееся в Каттаваре, присоединилось к Пакистану, причем следует иметь в виду, что большинство населения Джунагада не мусульмане, а только правитель мусульманин, то правительство Индии обратилось к правительству Пакистана с протестом, говоря, что оно не должно было соглашаться на такое присоединение, главным образом, на основании того факта, что большинство населения Джунагада — индусы; поэтому Пакистан не должен был давать своего согласия на это присоединение. Кто же таким образом основывает свои притязания на принципе принадлежности большинства населения к тому или иному вероисповеданию?

Далее говорилось: «Вот доказательство нашей полной непричастности к этому делу. Вот доклад наших начальников штаба, из которого видно, что до 24 октября, т. е. через два дня после того, как имел место первый набег, никто не рассмат-

ривал вопроса о посылке войск в Кашмир». Никто этого не отрицает; это действительно так. Мы согласны с этим заявлением. Мы ведь никогда не говорили, что посылка войск была решена заранее. Мы говорили только, что в связи с вопросом о присоединении имели место разные интриги. Я приведу несколько фактов, имеющих к этому отношение.

Шейх Мохаммед Абдулла был признан виновным в призыве к бунту в 1946 или, может быть, в 1945 году — я не помню приведенной представителем Индии даты — и приговорен к девяти годам строгого тюремного заключения. Он сидел в тюрьме. Я уже говорил, что я ни в чем не обвиняю шейха Мохаммеда Абдулла. Будучи знакомым с положением вещей в Кашмире, я знаю, что он был приговорен за свои политические убеждения. Никакого бунта вообще не было. Мы очень рады, что его освободили. Он был, кажется, освобожден 26 сентября, хотя дата не имеет значения. Во всяком случае, он был выпущен на свободу в сентябре. Почему? Потому что магараджа хотел использовать его в качестве эмиссара в переговорах с премьер-министром Индии, его близким другом и сотрудником, с целью установить условия присоединения или таковое осуществить. Никакого другого мотива указано не было, и мы утверждаем, что это и было причиной.

О близкой дружбе между шейхом Мохаммедом Абдуллой и Пандитом Джавахарлалом Неру, премьер-министром Индии, а также об их политических отношениях можно судить хотя бы по тому факту, что, когда шейха Мохаммеда Абдулла судили за призыв к бунту — неважно, в чем состояло обвинение — Пандит Джавахарлал Неру, который был уже назначен членом индийского правительства и который никогда не занимался адвокатской практикой, хотя он и имеет звание адвоката, поспешно прибыл в Кашмир, так как он пожелал защищать шейха Мохаммеда Абдулла, — чувство в высшей степени похвальное. Однако, при этих обстоятельствах, этот жест был несколько импульсивным, ввиду той ответственной роли, которую уже взял на себя Пандит Джавахарлал Неру. Магараджа его велел изгнать за пределы своего княжества. Этот инцидент показывает, как близко к сердцу Пандит Джавахарлал Неру принимал все, касающееся шейха Мохаммеда Абдулла.

Трудно поверить, чтобы все это было неспроста. Несколько дней после своего освобождения шейх Мохаммед Абдулла отправился в Дели, где, очевидно, находился в контакте с индийским правительством. Позднее я вернусь к некоторым из его заявлений, а пока приведу лишь выдержку из лондонской газеты *The Times* от 25 октября, в которой, между прочим, сказано следующее:

«Индийский союз отнесся с живым интересом к этому вопросу» — к вопросу о присоединении — «и имеются указания, что на индусского магараджу Кашмира, сэра Хари Синга, недавно большое влияние оказали доводы г-на Ганди, посетившего Кашмир три месяца тому назад, а также доводы других лидеров Партии конгресса».

Так говорила одна сторона. Тем не менее, на противоположной стороне говорили, что Паки-

стан занял в этом вопросе очень необдуманную позицию; что до 22 октября мусульман в Кашмире не притесняли; что Пакистан организовал этот набег на Кашмир с целью принудить это государство присоединиться к Пакистану. Это обвинение очень серьезное и, кроме того, еще и очень важное. С другой стороны, мы уже заявляли здесь, что все это восстание в Кашмире, которому сочувствуют мусульмане соседних государств, и вся та помощь, которую оказывают повстанцам горные племена, объясняются той резней, теми притеснениями и преследованиями, которым уже начали подвергаться мусульмане в Кашмире. С другой стороны говорят: «Нет, это — ничем не вызванная агрессия против княжества Кашмир, с целью принудить его присоединиться к Пакистану». Поэтому, поскольку дело касается фактов, вопрос этот является решающим и центральным и на него следует обратить внимание.

В качестве первого аргумента заявляли, что все это рассуждение построено на непрочном основании. С какой стати магараджа пожелал бы избивать своих собственных мусульманских подданных, плохо с ними обращаться и их преследовать? Неужели можно себе представить, что он мог избавиться от 3 миллионов мусульман, живущих в его государстве, и заменить их другим населением? Идея эта — так утверждала противная сторона — до того нелепа, что достаточно ее высказать, чтобы немедленно отбросить. Прежде всего, рискуя этим наскутить Совету, я хотел бы снова обратить его внимание на тот факт, что нечто подобное уже имело место в другом индусском государстве. Идея эта не была ни столь фантастической, ни столь нелепой, чтобы в том государстве ее могли отбросить. В Капуртале большинство населения составляли мусульмане, а сейчас во всем государстве не осталось больше ни одного мусульманина. В чем же фантастичность этой идеи в настоящее время? Если бы год тому назад в это самое время мне кто-нибудь упомянул о такой возможности, я бы охарактеризовал эту идею в тех же выражениях, как это сделал вчера представитель Индии. Сейчас, однако, мы видим образцы и примеры, которым возможно подражать.

Возьмем более значительный пример. Сикхам удалось в Восточном Пенджабе избавиться от 6 миллионов мусульман. Представитель Индии заявил: «Нет, в Восточном Пенджабе остается еще 150 000 мусульман». Прекрасно; 150 000 мусульман остается еще в Восточном Пенджабе. Все же сикхам удалось избавиться от 6 миллионов минус 150 000 мусульман. Если бы в Кашмире удалось избавиться от миллиона мусульман, заменив их сикхами и индусами, то этот прием был бы применен. Что же такого фантастического в этой идее? Но перейдем к фактам. Ведь я в сущности изложил лишь аргумент и то, что против него можно возразить. Каковы же факты? Таковы ли в действительности факты, как их изложил представитель Индии? Таковы ли факты, как они изложены мной?

Вот, что было заявлено вчера представителем Индии [234-е заседание]:

«Это чувство мести обострялось тем фактом, что нападавшие были мусульмане», — это

означает, что после вторжения, имевшего место 22 октября 1947 года, чувство мести среди живущих в пределах княжества индусов и сикхов все более обострялось, — «которые пришли с севера, грабили и разоряли их дома и убивали мужчин и женщин. Это чувство мести и вызвало, в результате, убийства, совершенные в Кашмире впервые индусами и сикхами 4 ноября 1947 года, приблизительно через неделю после набега. Это — единственный случай резни в Кашмире, имевший серьезное значение.

Поэтому, разве не нелепо утверждать, что эти убийства, которые имели место после набега, были — как то изображает представитель Пакистана — причиной набегов на Кашмир?»

Я почтительно указываю Совету Безопасности на то, что этот вопрос является одним из решающих.

Что касается набегов, совершенных из княжества Джамму и Кашмир в Западный Пенджаб, то я уже обращал внимание Совета Безопасности на этот вопрос, изложив его подробно в моей предыдущей речи [228-е заседание]. Я не хочу здесь снова повторять фактов, но хочу вместо этого подробно разобрать этот вопрос.

Однако я могу прибавить, что набеги на Западный Пенджаб все продолжают. Последняя полученная телеграмма датирована 22 января и послана из Карачи министром информации пакистанскому посольству в Соединенных Штатах. Она гласит:

«Вооруженная до зубов толпа человек в 500 перешла границу Пакистана и напала на деревню Дандот, согласно донесению, полученному в понедельник 19 января 1948 года из Сялкота» — так говорится в сообщении для прессы, опубликованном правительством Западного Пенджаба. «Кроме двадцати человек убитых, около 100 голов скота погибло в огне». В другом сообщении для прессы, опубликованном правительством Западного Пенджаба 20 января, говорится: «По полученным сообщениям, военный отряд из княжества Джамму напал также на пограничную деревню в районе Сялкота. Нападавшие убили двух человек и подожгли ряд домов на пакистанской территории», прибавляет сообщение для прессы.

Конечно, представитель Индии может сказать, как он это уже сказал вчера: «Мы не можем нести ответственность за это. За избитие каравана, имевшее место 4 ноября, ответственность несут войска княжества Джамму». Он прибавил далее: «Правда, страна эта была нами оккупирована, но избитие это было совершено военными отрядами магараджи, и мы за это не ответственны».

Перехожу теперь к заявлению, утверждающему, что до 22 октября 1947 года не имели места никакие инциденты в связи с якобы чинимыми мусульманам притеснениями; что горцы без всякого повода вторглись на территорию Кашмира с целью принудить его присоединиться к Пакистану; и что все выступления, направленные против мусульман, произошли позже, будучи продиктованы чувством мести, вызванным этим набегом. Во-первых, мне хочется обратить внимание Совета Безопасности на то, чему я посвя-

тил значительную часть своей первой речи по этому вопросу. Я не буду повторять снова всех подробностей, относящихся к имевшим место притеснениям и набегам. Но я хочу обратить внимание Совета Безопасности на заявление самого шейха Мохаммеда Абдуллы, сделанное им в Дели 21 октября 1947 года, когда никаких набегов еще не было. Шейх Мохаммед Абдулла заявил, что беспорядки, происходящие в настоящее время в Пунче, княжестве, находящемся в феодальной зависимости от Кашмира, возникли вследствие проводимой Кашмиром неразумной политики. Население Пунча, страдавшее от произвола своего местного правителя, а также сюзерена последнего, кашмирского магараджи, восстало с целью добиться удовлетворения своих жалоб. Это отнюдь не было движением религиозным. Из княжества Кашмир были посланы военные отряды в Пунч, и там началась паника. Но большая часть взрослого населения Пунча состоит — по словам шейха Абдуллы — из лиц, служивших прежде в индийской армии, и поддерживает тесную связь с населением Джелума и Равальпинди. Они эвакуировали своих жен и детей, перешли границу и вернулись назад с оружием в руках, которое они получили от сочувствующих им лиц. В результате кашмирские отряды принуждены были отступить в некоторых районах.

Почему же это население Пунча оказалось вынужденным вывести своих жен и детей за пределы страны, поместить их в Западном Пенджабе, занять оружие и боеприпасы, вернуться обратно и сражаться с кашмирскими военными частями еще прежде, чем какой-либо набег имел место? Это заявление исходит из уст самого шейха Мохаммеда Абдуллы.

Мне хочется в связи с этим обратить внимание Совета Безопасности еще на сообщение, исходящее от того же специального корреспондента лондонской газеты Daily Telegraph Дугласа Брауна в номере от 12 января 1948 года: «Без сомнения, первое, что побудило их начать наступление, были дошедшие до них рассказы об ужасных жестокостях, совершенных над их единоверцами в Джамму, вместе с благоприятными сведениями о восстании» — речь идет о восстании жителей Пунча. Мне хочется повторить: «Рассказы об ужасных жестокостях, совершенных над их единоверцами, вместе с благоприятными сведениями о восстании». Восстание уже произошло и было следствием уже имевших место жестокостей. Далее, наш корреспондент говорит: «Положение осложняется многими факторами. Один из этих факторов следующий: Еще одним элементом, влияющим на положение, являются сикхские беженцы из Западного Пенджаба, захватившие земли, принадлежащие мусульманам Джамму». Это как раз то, что мы говорили, когда утверждали, что это происходит и неминуемо должно произойти.

В сообщении говорится дальше: «Они произвели там резню в прошлом октябре таким образом, чтобы очистить для себя новую сикхскую территорию с целью возместить себя за понесенные ими в Пакистане потери и принять участие в создании ядра будущего Сикхистана». Другими словами, они желали превратить Кашмир в

страну сикхов. Это могло быть сделано лишь при условии, что мусульманское большинство путем массовых убийств, грабежа, изгнания и замены его сикхами будет низведено на положение меньшинства.

В сообщении говорится далее: «Эти новые пришельцы не питают настоящей привязанности к сэру Хари Сингу и к его любимцам дограм, хотя до сих пор они, несмотря на все трудности, были в союзе с ними. Они смотрят на могущественного магараджу Патиалы как на своего покровителя и в настоящее время всячески пользуются для своих целей присутствием в провинции его войск».

Это вполне объясняет, как возникли беспорядки. Но имеется еще и прямое доказательство. Уже 20 сентября 1947 года генерал-губернатор Пакистана получил от Мусульманской конференции в Кашмире следующую телеграмму: «Жестокие военные расправы в Пунче. Жителей без разбора грабят и расстреливают. Просим вмешаться». Между тем представитель Индии утверждает, что ничего не происходило. Это те самые войска, о которых я только что говорил.

Вот еще другая телеграмма от мусульман из Баг Маллата, в княжестве Пунч, посланная 29 сентября 1947 года на имя генерал-губернатора Пакистана: «Кашмирское правительство открыло с 9 и 10 числа месяца Бадона военные действия». Указанное время соответствует, по моему, приблизительно середине сентября. «Потери среди нашего мусульманского населения достигают, по нашим подсчетам, 500 человек убитыми. Просим немедленно заступиться». Мой ученый друг продолжает утверждать, что ничего не случилось, что никто не пострадал, менее всего от кашмирских войск. Это происходило в сентябре.

А вот донесение помощника комиссара равальпиндского района от 8 октября 1947 года комиссару равальпиндского округа:

«На возвратном пути из Сринагара 8 октября 1947 года я встретил большое число женщин и детей, переходящих границу со стороны Пунча. Они говорили нам о бесчеловечном обращении с ними и об ужасных жестокостях, чинимых военными отрядами догров, оперирующих в районе Пунча. Я узнал, что десять или одиннадцать сел было сожжено, женщины были изнасилованы и мусульманские дома разграблены солдатами догрской армии. На Кохальском мосту я убедил офицера, командовавшего кашмирской военной частью, устроить этих беженцев на кашмирской стороне, так как я считал, что это — прежде всего обязанность Кашмирского княжества заботиться о своих собственных подданных, особенно когда причиной их несчастий являются действия кашмирских войск».

Двигаясь по направлению на Мурри, я встретил недалеко от деревни Деваль, около семи миль от Кохалы, толпу женщин и детей, числом около 600, переправившихся через реку с кашмирской стороны. Они также рассказывали нам о своих несчастях. Было бы бесчеловечно предложить им вернуться в их собственную страну. Поэтому я распорядился устроить временный лагерь для беженцев в деревне Фагвари, которая занимает несколько более центральное положение,

чем Деваль. Я думаю, что поток беженцев будет с каждым днем расти». Это происходило 8 октября, за две недели до первого набега.

Передо мной один из докладов нашего разведывательного отделения с пометкой: «Весьма секретно». Тем не менее, это есть свидетельство, и поэтому я прочту Вам из него несколько отрывков. Он датирован 12 октября; вот что в нем говорится:

«Мусульмане Кашмира и Пунча, составляющие от 80 до 90 процентов всего населения, жаждут присоединения своей страны к Пакистану, но из позиции, занятой правительственными кругами, можно заключить, что эти круги стремятся к противоположному. 15 августа в Сринагаре праздновался национальный праздник Пакистана. Государственные власти старались этому воспрепятствовать. 26 августа были устроены празднества в Техсиле Баге, в княжестве Пунч, что повлекло за собой крупное столкновение между правительственными властями и населением, в результате чего с обеих сторон были тяжелые потери (по приблизительному подсчету 200 лиц гражданского населения и 50 военных)».

Дальше, в том же докладе говорится:

«Было решено во что бы то ни стало противиться стремлению присоединить княжество Кашмир к Индийскому Союзу. Действия догрских войск, которые умышленно занимались грабежами, поджогами и преследованием мусульман, делали положение невыносимым, и собрание решило оказать активное сопротивление преступной политике властей, которое началось 2 октября 1947 года».

В тот же день началось восстание в Пунче. Далее в докладе говорится:

«Первое столкновение имело место на границе между Пунчом и Пакистаном. Толпа напала на полицейский пост в Деркоте 2 октября. Полиция бежала, и повстанцы захватили 500 шомпольных ружей, несколько дробовиков, 8 винтовок и 10 000 рупий».

В докладе сказано далее: «В ночь с 2 на 3 октября местные жители напали на военный пост в Чуриале. Около 40 солдат было убито, причем повстанцы понесли очень незначительные потери. Сражение еще продолжается, и военный отряд фактически осажден».

Затем в докладе приводятся подробности о стычках, происходивших в различные дни вплоть до 6 октября. Далее говорится: «4-го военный отряд численностью человек в 200 напал на Хунтар Рехала. Солдаты сожгли около 50 домов. Они вступили в бой с повстанцами. Пятьдесят солдат были убиты и 70 ранены. Был захвачен один пулемет системы Брена. Потери повстанцев неизвестны».

Далее в докладе сказано: «Отступавшие от Хунтар Рехалы солдаты подожгли ряд мусульманских домов в Пачхоте. В результате этого в секторе длиной около десяти миль началось партизанское движение, охватившее...» — тут перечислены названия нескольких деревень.

Это указывает на то, что происходило в то время. О том, что произошло после этого, в докладе говорится:

«Другой характерной чертой этих операций было то, что военные отряды неизменно сопровождали какие-то штатские лица, не мусульмане, вооруженные либо огнестрельным оружием, либо саблями и кошками. Назначение этих штатских лиц было грабить и убивать без разбора мусульманских женщин и детей, тогда как военные нападали на вооруженные банды партизан».

Можно ли допустить, что этот доклад разведывательного отделения был сфабрикован 10 или 11 октября, для того чтобы создать предлог для набега 22 октября, и что приводимые им факты должны были служить его оправданием? Можно ли также считать, что доклад помощника комиссара является сплошной выдумкой? Наконец, было ли заявление шейха Мохаммеда Абдуллы о событиях в Пунче сделано им с целью повредить интересам Индии?

Тогда мы послали телеграмму. Как я уже сказал, я не буду приводить ее целиком. Но министр иностранных дел послал премьер-министру Кашмира 12 октября, т. е. за десять дней до набега, телеграмму следующего содержания:

«Военнослужащие пакистанской армии, только что вернувшиеся из отпуска, который они проводили у себя дома в Пунче, сообщают, что вооруженные банды, в составе которых были военные, нападают на расположенные в этом княжестве мусульманские деревни. Правильность их рассказов подтверждается зрением большого числа горящих деревень, которые видны с высоты Мерри Хилль. Пакистанское правительство крайне заинтересовано в поддержании мира на своих границах и в благополучии мусульманского населения соседних территорий, и это одно уже дает ему право требовать гарантий, что будут приняты меры для восстановления порядка в Пунче».

Он указывает затем на то, что «многие из наших военнослужащих родом из этого района и что они очень волнуются».

Вот телеграмма из Сялкоты от 20 октября, посланная председателем Мусульманской конференции в округе Джамму. Он очевидно посетил Сялкот. Сялкот лежит в двадцати восьми милях по другую сторону. Телеграмма адресована Сардару Абдул Рабништару, одному из министров в Карачи. Это — очевидно экземпляр, посланный ему на дом. Вот текст этой телеграммы:

«Отряды догров, подкрепленные большим числом чинов индийской армии, переодетых в штатское, сикхскими «джатас» (вооруженными бандами) как местными, так и пришлыми, индусами и раджпутанцами, снабженные современным оружием, начали поголовное избиение мусульман в Ранбирсингпуре, Ахнуре, Самбе и Джамму Техсиле в районе Джамму. Несколько тысяч мусульман уже беспощадно вырезано. Сотни женщин похищены. Все движимое имущество разграблено и сотни мусульманских деревень сожжены дотла. Враждебные отряды, продолжая избивать мусульманское население пригородов и сжигая мусульманские деревни со всех сторон, двигаются сейчас на город Джамму и находятся лишь в расстоянии одной мили от него. Село Райпур, лежащее в пределах военной зоны Джамму, сожжено. Те мусульмане, которые находятся в

городе, представляют собой уже меньшинство, охваченное полным отчаянием и совершенно безоружное. Пятнадцать тысяч мусульман, живущих в городе Джамму, включая женщин, детей и цвет мусульманской интеллигенции, окружены со всех сторон, совершенно беспомощны и находятся в непосредственной опасности быть беспощадно умерщвленными. Мусульманские солдаты разоружены и бригадир Хода Букс в военном поселении Джамму заменен индусским бригадиром. Если не последует немедленно помощи, все будут перебиты. Непрекращающаяся трагедия большого размера, чем в Восточном Пенджабе. Прошу, не теряя ни секунды, принять немедленные меры или если ничего другого нельзя сделать, то позаботиться об эвакуации мусульман из Джамму с помощью пакистанских войск. Весьма срочно».

За этим последовала другая телеграмма такого же характера, которую не стоит зачитывать. А вот телеграмма от Мусульманской конференции города Джамму, посланная генерал-губернатору в Карачи из Сялкота 22 октября, т. е. в тот день, когда начался набег в противоположном конце страны. Телеграмма эта гласит:

«Прежние телеграммы без ответа. Десять тысяч мусульман собрались на канифольной фабрике в Мирансаибе. Все перебиты солдатами догров после полученных от кашмирского премьер-министра заверений об их безопасности. В радиусе пятнадцати миль от города Джамму все мусульмане, включая женщин, детей и чиновников, убиты. Число убитых превышает 40 000. Организованное избиение продолжается. Начались нападения на мусульман в городе Джамму. Более 350 мечетей сожжено. Священные книги Корана сжигаются на кострах. На мусульманских чиновников и офицеров устраиваются облавы и их убивают».

Вот картина того, что происходило между 20 сентября и 22 октября, и я был поражен, когда представитель Индии вчера заявил — без сомнения, на основании полученной им информации: он едва ли сам ознакомился с фактами, — что никаких избиений мусульман не происходило до 2-го и даже в сущности до 4-го. Он сказал, что «это чувство мести и вызвало в результате убийства, совершенные в Кашмире впервые индусами и сикхами 4 ноября 1947 года, т. е. приблизительно через неделю после набега. Это — единственный случай резни в Кашмире, имевший серьезное значение. Не будет ли поэтому нелепо утверждать» — спрашивал представитель Индии дальше — «что эти убийства, имевшие место после набега, были, как то хотел бы изобразить представитель Пакистана, причиной набегов на Кашмир?»

Я предоставляю Совету Безопасности самому судить, были ли эти погромы причиной или следствием набега.

Перехожу теперь к своим последним замечаниям. Таково положение, но необходимо найти средство, чтобы это положение исправить. В этом и состоит задача Совета Безопасности. Мне пришло время у Совета Безопасности, чтобы дать ему подлинную картину положения, каково оно в действительности.

С одной стороны говорилось, что мы имеем дело с агрессивным набегом на кашмирскую

территорию с целью заставить это государство присоединиться к Пакистану; что при этом набегах сметалось все, лежащее на пути; что тут происходили грабежи, поджоги; что индусские войска были там на законном основании, ввиду того что Кашмир является частью индийской территории — с чем, однако, мы никак не можем согласиться, — а правительство Индии заявляет: «Мы просим Совет Безопасности предложить пакистанскому правительству остановить переход горцев в Кашмир через пакистанскую территорию». Это значит, что должно быть создано такое положение вещей, при котором индийская армия могла бы подавить восстание в Кашмире, наличие которого отрицается индийским представителем, но которое всецело подтверждается донесениями всех нейтральных лиц и даже заявлениями самого шейха Абдуллы, так чтобы правительство Индии могло иметь все государство Кашмир всецело в своих руках.

С другой стороны, перед нами картина освободительного движения, начатого самим кашмирским народом, доведенным до полного отчаяния, и направленного против тирании и преследований, от которых он так долго страдал и кульминационным пунктом которых явились все те ужасы и несправедливости, на которые я обращал ваше внимание. Без сомнения, страдания этого народа находят сочувствие у мусульман Западного Пенджаба, у мусульман Северо-западной пограничной провинции, у мусульман области горных племен, причем те из них, которые в состоянии оказать ему помощь, переходят через границу. Мы имеем свидетельства самих этих племен, что они пользуются для этого дорогой через княжество Сват. Но как бы они ни переходили границу, вопрос в том, как найти выход из создавшегося положения. Не в том вопрос, как дать индийской армии возможность завладеть всем Кашмиром и действовать там по своему усмотрению, а в том, как найти выход из создавшегося положения.

Коротко говоря, выход из создавшегося положения может быть найден лишь при условии соблюдения нижеследующих основных принципов, независимо от деталей. Ввиду того что вооруженная борьба ведется главным образом населением Кашмира, ему следует дать полные заверения и эффективные гарантии того, что мусульмане не будут больше подвергаться преследованию и притеснениям и что население государства само решит вопрос о своей конституции и о форме своего правления.

Следует дать заверения в том, что военные из Индии и все лица, пришедшие извне, уйдут, и обещания эти должны быть выполнены; заверение это должно быть дано, чтобы сделать возможным восстановление закона и порядка. Если такое заверение будет дано, то это будет большой шаг вперед на пути к улучшению теперешнего положения вещей. Все лица, пришедшие извне, т. е. сикхи и индусы из других территорий, мусульмане, прибывшие в Кашмир, может быть даже не для того, чтобы воевать, а с действительно искренними мирными намерениями, должны удалиться, а все кашмирские граждане, которые были вынуждены покинуть Кашмир, должны получить разрешение вернуться обратно. С целью

дать кашмирскому народу возможность свободно решить вопрос о присоединении, т. е. вопрос о том, хотят ли они присоединиться к Пакистану или к Индии, должна быть создана нейтральная и беспристрастная власть. Такого рода заверения должны быть даны.

Перейдем теперь к вопросу о шейхе Мохаммеде Абдулле, любимом вожде кашмирского народа. Я до известной степени уже подверг анализу вопрос о том, что он собой представляет. Он стоит во главе кашмирского правительства; оно якобы беспристрастно и нейтрально. Я хочу обратить ваше внимание лишь на два заявления шейха Мохаммеда Абдуллы, сделанные им в связи с этим. В газете *Hindustan Times*, издающейся в Дели, в номере от 12 ноября 1947 года приводятся следующие его слова: «Возможно, что после этой катастрофы в Барамуле, Ури, Патане и Музаффарабаде и в других местах никакого референдума вообще не будет. После того что произошло в этих местах, кашмирский народ может быть даже и не будет интересоваться референдумом». Очевидно слова шейха Мохаммеда Абдуллы относятся лишь к той части кашмирского населения, которая его поддерживает. Спрашивается, однако, относятся ли они к тем жителям Кашмира, которые сражались в этих самых местах и продолжают до сих пор сражаться на стороне правительства «Азад» Кашмира?

Еще более резкой является статья в номере издаваемой в Нью-Дели газеты *Hindustan Times* от 27 декабря 1947 года. Эта статья была получена от корреспондента из Индора, столицы одного из индийских княжеств в Центральной Индии. Статья датирована 25 декабря. Текст ее следующий: «Выступая с речью на массовом митинге в Праджа Мандале, шейх Мохаммед Абдулла заявил, что Кашмир окончательно решил присоединиться к Индии, во главе правительства которой стоит жемчужина Кашмира Пандит Джавахарлал Неру. Пакистан сможет покорить Кашмир лишь после того, как все кашмирцы до последнего человека отдадут свои жизни, сражаясь против Пакистана».

Вот заявления, сделанные шейхом Мохаммедом Абдуллой в качестве главы «нейтральной» организации, которая внесла предложение о проведении плебисцита под его руководством. Наблюдение за плебисцитом может быть поручено, если вы желаете, международным наблюдателям. Все, что международные наблюдатели будут в состоянии сделать, это — смотреть за тем, чтобы на избирательных пунктах никого бы не били и ни на кого не производили бы давления. Как могут эти наблюдатели гарантировать, что администрация не добилась уже своей цели с помощью разных хорошо известных во многих частях света средств, а именно того, чтобы избиратели голосовали только за определенных кандидатов? Когда глава правительства заявляет, что пока жив хоть один кашмирец, Кашмир останется соединенным с Индией, то это заявление прежде всего относится к нему самому; покуда он жив, Кашмир останется соединенным с Индией.

Поэтому по вопросу о том, следует ли Кашмиру присоединиться к Индии или Пакистану, должен быть проведен плебисцит или нейтраль-

ным правительством или под контролем Организации Объединенных Наций, в зависимости от того, кому будет отдано предпочтение. Лишь такого рода заверения и гарантии дадут возможность прекратить военные действия.

Я указал Совету Безопасности на причины, вызвавшие теперешнее положение, на корни зла, и описал обстановку. Это зло продолжает еще там существовать и от него надо избавиться; я указал при этом на единственный способ, которым его можно искоренить. Для выполнения любой программы такого рода Пакистан готов полностью сотрудничать в пределах предъявленных ему требований. Пакистан искренно желает помочь в этом деле. Мы считаем за честь участвовать в работе по восстановлению мира и порядка в этой части света.

С этого момента Совет переходит к системе последовательных переводов.

Г-н НОЭЛЬ-БЕЙКЕР (Соединенное Королевство) *(говорит по-английски)*: Мы выслушали заявления обеих сторон в этом деле. В протоколы Совета Безопасности было занесено много такого, что сами стороны вероятно захотели бы отсюда вычеркнуть, если бы история могла быть заново написана. Выслушав обе стороны и относясь к ним обоим с одинаковым пониманием, одинаковым дружелюбием и — если они позволят мне так выразиться — с одинаковой любовью, я желал бы, в качестве члена Совета Безопасности, несущего вместе с другими коллективную ответственность перед всем человечеством, поставить вопрос: что следует Совету Безопасности предпринять сейчас? Я надеюсь, что мы сосредоточим наше внимание на конструктивной стороне того, что было сказано нашими коллегами из Индии и Пакистана.

Я не предлагаю оставить без внимания остальные их заявления или в поисках средств для разрешения настоящего конфликта игнорировать причины, его вызвавшие. Напротив, во всем, что мы предлагаем, должны быть указаны меры к устранению этих причин. Однако нам следует расположить все слышанное нами в правильной перспективе, а затем обсудить, имеет ли смысл продолжать нашу работу и какие у нас имеются основания надеяться на достижение теперь полного и справедливого решения.

Я глубоко убежден в том, что оба правительства действительно желают достигнуть соглашения и что, поэтому, справедливое решение вопроса возможно. Представитель Пакистана, на прошлой неделе и затем сегодня, равно как и представитель Индии, при открытии прений по этому вопросу и опять вчера, изложили нам, каждый со своей точки зрения, как в течение последних двух лет происходили беспорядки, возникавшие на почве вражды между сторонниками различных религий. Я не намерен обсуждать те трагические обстоятельства, на которые они обратили наше внимание. Мне лично вся причинная связь в этом деле представляется еще окутанной покровом тайны. Без сомнения, причины этих беспорядков следует искать в историческом прошлом, и я надеюсь, что они скоро снова исчезнут, унесенные потоком истории. Каждый заин-

тересован в том, чтобы забыть прошедшее и сосредоточиться на будущем.

Я не преуменьшаю ужасных событий, которые имели место, потерю жизни или страдания беженцев. Тем не менее, это — не случайный факт, что 95 процентов всего индийского субконтинента осталось незатронутым и что даже там, где происходили беспорядки, обоими правительствами были приняты энергичные и успешные меры, для того чтобы с ним справиться. В Пенджабе и в Дели на почве религиозной вражды разгорелись страсти и чернь стала неистовствовать, чернь, снабженная автоматическим оружием и неограниченным числом боеприпасов. Иногда казалось, что весь правительственный строй рухнет и правовой порядок исчезнет. События в Дели были лишь опаснейшим примером того, что происходило в других местах, но обоим правительствам удалось справиться с положением, причем их лидеры проявили большое физическое и моральное мужество. Пандит Неру в Дели ежедневно подвергал свою жизнь опасности, стараясь прекратить беспорядки и спасти мусульман. Премьер-министры Индии и Пакистана вместе объезжали местности. Они вели совместную кампанию за мир и совместно призывали к умиротворению, и я нахожу, что оба правительства проявили исключительные государственные способности и решительность. В конце концов им удалось принудить свои войска и полицию выполнять свой долг. Они подвергли наказанию нападавших на поезда и транспорты, они восстановили дисциплину и уважение к закону и снова водворили нормальный порядок в транспортах и лагерях. Но, что важнее всего, они вступили в борьбу с сатанинскими страстями, возникшими на почве страха, и пытались воскресить тот дух, который всегда был так характерен для Индии и Пакистана: дух милосердия к людям, дух взаимной помощи и защиты страдающих, на какой бы стороне они не находились.

Я помню то чувство огромного облегчения, которое я испытал, сидя в своей лондонской канцелярии при получении первых телеграмм с сообщением о том, что дух милосердия начал снова оживать. Оба правительства достигли этого путем сотрудничества. Они решили положить конец убийствам, они решили воспрепятствовать тому, чтобы происходящие у них беспорядки привели к войне. Они констатировали, что беспорядки эти вызвали массовое движение беженцев. Как сказал сегодня представитель Пакистана, когда 10 миллионов людей покидают свои дома, это сопряжено с огромной массой человеческого страдания. Я знаком со всеми затруднениями, с этим связанными: я работал после последней войны в Нансеновской организации по обмену населения между Грецией и Турцией и помогал переселению 2 миллионов беженцев. В течение многих лет я наблюдал за их скитаниями, за их расселением и за вытекающими отсюда результатами. Проблемы, с этим связанные, бесчисленны и бесконечно сложны. Они не были разрешены в Индии и Пакистане, но, понимая кое-что в этом деле, я вам скажу, что те лица, которые этим делом руководят, а глава индийской делегации является тем министром, которому эта работа поручена, уже достигли совершенно замечательных результатов.

Я хочу упомянуть об охране посевов и об устройстве беженцев в условиях, дающих им возможность продуктивно работать. Это только начало, но начало хорошее. На площади, занимающей 95 процентов всего индийского субконтинента, в тех опасных местностях, где прежде имели место серьезные инциденты, новых беспорядков не возникало. Благодаря мудрой политике и энергичным мерам, они были в корне пресечены. В момент величайшего кризиса, когда безудержно разливалась волна борьбы на религиозной почве, оба правительства работали рука об руку до тех пор, пока, после ряда серьезных бедствий, им не удалось обуздать охватившее народ безумие. Поэтому, это следует рассматривать как большое достижение.

Но это — не единственное достижение. Оба правительства достигли соглашения по другим вопросам, возникшим в результате раздела, как например, по вопросу финансовому. Это относится не только к разделу наличных сумм. Имеется еще очень много других весьма сложных вопросов, являющихся для обеих стран жизненно важными в экономическом отношении, но в которых интересы обоих правительств, повидимому, диаметрально противоположны и для разрешения которых был создан третейский суд. Что касается раздела военных запасов, то тут были затруднения, вызываемые отчасти транспортом. Я состоял во время войны членом министерства путей сообщения и знаком с трудностями, связанными с перевозкой военных запасов. Судя по последним полученным мною сообщениям эти затруднения преодолены.

Поэтому я полагаю, что если мы будем рассматривать эти события в правильной перспективе, то мы убедимся, что несмотря на ряд ошибок, который оба правительства в силу своей человеческой природы допустили, и на опасные идеи, распространявшиеся некоторыми лицами с той и с другой стороны, из имеющихся у нас доказательств вытекает, что вина за происшедшее падает не на правительства. Обоим правительствам пришлось столкнуться с неизмеримо большим числом затруднений, чем когда-либо прежде приходилось на долю любых двух правительств при их попытках установить порядок в своих государствах и администрации. Свидетельства эти далее показывают нам, что после многих недель, когда затруднения эти грозили совершенно погубить оба эти правительства, им удалось справиться с этими проблемами, прийти к почти полному соглашению по всем вопросам и перейти к сотрудничеству.

Около шести недель тому назад я докладывал своим коллегам по кабинету, что положение значительно улучшилось, что главным вопросом, ждущим разрешения, является Кашмир и что, судя по преобладавшим в то время настроениям, я имею основание полагать, что оба правительства имеют желание и возможность разрешить эти проблемы. Я продолжаю думать, что они смогут это сделать. Это — первый урок, который я извлек из событий последних месяцев.

Второй урок, находящийся в противоречии со сказанным мною, заключается в том, что, несмотря на старания обоих правительств наладить сотрудничество, кашмирский вопрос привел их

почти к войне. Три недели тому назад, когда к ним обратились с этим призывом, оба правительства думали, что война может начаться в любой момент. До тех пор пока будут продолжаться происходящие в настоящее время в Кашмире бои, — как об этом заявил вчера днем представитель Индии, — существует опасность, что район конфликта может расширяться и что обе стороны могут быть почти «случайно» — говоря его словами — втянуты в войну.

Третий урок, вытекающий из событий последних месяцев, это то, что, если возникнет война, она может превратиться в одно из страшнейших столкновений, которые знает история человечества. Я прошу обе стороны и Совет Безопасности представить себе, что означало бы это столкновение для армий, офицеров и людей, которые примут в нем участие. Шесть месяцев тому назад существовала единая армия со столетней традицией товарищества по оружию. Во время последней войны эти люди блестяще отличились на всех фронтах и во всех сражениях против нацистов. На прощальных собраниях, когда армию делили, они плакали ввиду предстоящей разлуки.

Как отразилось бы это столкновение на населении этих стран? Это означало бы возобновление борьбы на религиозной почве. В Индии живет сейчас почти 40 миллионов мусульман, и много немусульман живет на другой стороне. Не хватало бы войск, которые могли бы прекратить беспорядки. Войска эти были бы прикреплены к фронту, где им пришлось бы сражаться. Горные племена спустились бы в равнины не десятками, но сотнями тысяч человек. Они могли бы явиться смертельной опасностью для обоих правительств. Воображение бессильно представить себе то, что могло бы в этом случае произойти. Война на индийском субконтиненте была бы невероятным бедствием для новой Азии, на которую возлагается столько надежд как на фактор прогресса. Это было бы не менее серьезным бедствием и для всех нас. Это задержало бы нашу послевоенную реконструкцию. Для Организации Объединенных Наций это было бы жестоким поражением.

Я прошу обе делегации указать мне, какие имеются основания для ведения этой войны? Что сейчас в действительности поставлено на карту в княжестве Джамму и Кашмир? О чем заботятся оба правительства? Чего хотят они добиться? Их цель — не расширение территории; не увеличение числа населения; не приобретение новых источников богатства для их эксплуатации; не ложная слава победы силой оружия; не старый опасный мираж национального престижа. Это все дискредитированные империалистические идеи девятнадцатого века. На карту поставлено в Кашмире то, чего желают оба правительства, а именно, счастье, мир и благосостояние их народов — как мусульман, так и немусульман. Они хотят, чтобы их народы жили, молились Богу и управлялись согласно их собственному желанию. Как может такая цель служить оправданием войны? Как может война содействовать достижению такой цели?

В Кашмире имеется 4 миллиона населения. Они сейчас переживают муки и страдают от разрушений, которые всегда связаны с войной. Если

конфликт расширится и будет продолжаться, то понадобится целое поколение, чтобы оправиться от его последствий. В Кашмире 4 миллиона жителей. Из нашей канцелярии в Empire State Building мы смотрим сверху на дома, в которых живет в два раза более многочисленное население. Четыре миллиона — это очень большое число людей, но это составляет лишь 1 процент всего населения индийского субконтинента. В случае возникновения войны им понадобится целое поколение, чтобы оправиться от ее последствий. А какова будет судьба остальных 99 процентов населения? Они окажутся жертвами описанной мной катастрофы.

Со мной находятся здесь, в качестве консультантов, двое выдающихся военных — лорд Исмей, состоявший во время войны в штабе г-на Черчилля, и генерал Скоупс, командовавший войсками в Бирме во время той войны, которую мы там вели с таким чувством отчаяния. По их словам, изучение военной истории показало им, что войны редко приводят к тем результатам, для достижения которых они были начаты. В данном случае война сделала бы окончательно невозможным достижение целей, поставленных правительствами.

Другой выход, помимо войны, состоит в соглашении через посредство Совета Безопасности. Обе стороны заявили нам, что они стремятся к миру и справедливости. Обе стороны высказались за то, чтобы желание кашмирского народа было исполнено. Представитель Индии заявил об этом вчера, а представитель Пакистана — сегодня. Наша задача состоит в том, чтобы формулировать план, при посредстве которого это можно было бы осуществить. Я предлагаю поторопиться с этой работой.

Пусть, начиная с сегодняшнего дня, Председатель Совета Безопасности начнет переговоры с обеими сторонами и пусть они вместе образуют редакционный комитет Совета Безопасности. Пусть они исходят в своих переговорах из тех предварительных соглашений, которые Председатель на днях отметил в своем докладе. Пусть этот комитет представит нам, если возможно, к следующему понедельнику составленный в общих чертах план. Только путем соглашения оба правительства смогут избежать грозящей им общей опасности. К этому соглашению призывают их их основные материальные интересы. Для народов же Индии и Пакистана, с их вековой культурой, их философией и духовной силой, речь идет о нечто гораздо большем, чем об одних материальных интересах.

Один из выдающихся лидеров в борьбе Индии за свою независимость заявил год или два тому назад: «Мы, жители индийского субконтинента, должны жить вместе. Будем же жить в братстве и мире. Если мы не будем так жить, то природа заставит нас страдать, и после больших страданий нам придется все равно примириться с тем фактом, что тех, кого Бог соединил, никто не может разлучить. Великий индус, обижаящий мусульманина, поступает несправедливо по отношению к своим единоверцам и к собственной стране и всякий мусульманин, обижаящий индуса, разрушает этим свою религию и свободу своей страны».

Великий пророк Махатма Ганди, который оказал только что величайшую услугу не только Индии и Пакистану, но также, мне кажется, и всему человечеству, положил в основание движения в пользу независимости принцип непротивления британцам. Я отказываюсь верить тому, что свободные правительства Индии и Пакистана не могут применять этот принцип в своих взаимоотношениях. Я убежден, что, опираясь на ту мудрую государственную политику, которая выразилась в передаче этого вопроса на рассмотрение Совета Безопасности, Совет Безопасности сможет успешно выполнить свою работу.

Нет сомнений, что ради соглашения обе стороны должны пойти на уступки; но в Совете Безопасности стороны делают уступки не друг другу, но всему человечеству. В Совете Безопасности у нас всех один доминирующий интерес: торжество правды и справедливости.

Г-н ОСТИН (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я намереваюсь сделать лишь несколько кратких замечаний. Представление обеими сторонами своих притязаний допускает принятие лишь одного решения, определяющего, по-моему, тот путь, которого должен держаться Совет Безопасности. Даже до установления фактов, мы ясно усматриваем в данном случае ситуацию, требующую применения всех мирных средств, которыми располагает Совет Безопасности. Я внимательно выслушал притязания обеих сторон и никогда еще за все время существования Организации Объединенных Наций я не испытывал такого чувства благодарности за то, что Организация Объединенных Наций существует и что она имеет возможность выслушивать заявления вроде тех, в которых обе стороны с таким искусством излагали сущность данного вопроса.

Совет Безопасности еще не призван вынести решения по вопросу о виновности или о том, каковы были в действительности отдельные факты, но мы располагаем уже достаточной информацией для того, чтобы побудить Организацию Объединенных Наций выступить со всей определенностью и решительностью в области нравственной, и мы должны сделать все от нас зависящее, как всемирная организация, которой надлежит уничтожить войну, создать такие условия, при которых будет господствовать мир, и предложить помощь и руководство этим народам, которые, несмотря на все свои разногласия, являются братьями и друзьями и которые подлинно стремятся к миру и ищут нашего руководства. Они не были бы здесь, если бы они не ожидали, что мы приложим все усилия для того, чтобы им помочь. Конечно, это требует от обеих сторон взаимного уважения, готовности сотрудничать и идти на уступки, прекрасными доказательствами чего являются достигнутые ими до сих пор результаты. Тот факт, что они уже заключили соглашение и просили Совет Безопасности придать ему силу посредством резолюции [230-е заседание], является достижением, заслуживающим большую похвалу.

Другой пункт, который я просил бы занести в протокол заседания, это — признание того весьма важного факта, что, когда Индия согласилась на присоединение Кашмира, она сделала это,

подтвердив великий принцип, а именно, заявив, что ее согласие условное и будет зависеть от результатов правильно организованного плебисцита, проведенного с целью установить волю кашмирского народа в вопросе о присоединении. Мне кажется, что это является историческим примером, достойным подражания.

Пакистан, как мы видели, также согласился с этим и выступил на защиту этой доктрины. Таким образом, к нашему счастью, мы видим, что несмотря на, можно сказать, невероятно трудное положение, обе стороны одинаково смотрят на возможность такого решения вопроса, которое в самом деле может разрешить их разногласия. Таким образом, как бы сложно и трудно ни было положение, оно все же далеко не безнадежно.

Мне кажется, что, решая вопрос, может ли существующее положение вызвать спор или привести к войне, если оно продолжится, мы имеем возможность сделать еще шаг вперед в правильном направлении, именно продолжать собираться под руководством Председателя Совета Безопасности на совещания, носящие совершенно дружеский и неофициальный характер. Соединенные Штаты Америки полагают, что эти совещания должны и впредь вестись в том же духе, который одушевляет здесь делегации Индии и Пакистана, и что на этих совещаниях не следует предъявлять какие-либо обвинения, контробвинения, притязания и т. д., подлежащие занесению в протокол.

Позвольте нам предложить обеим сторонам, чтобы они попытались, под руководством Председателя Совета Безопасности, достигнуть соглашения по тем спорным вопросам, причем это относится в одинаковой степени к вопросам политического и военного характера, которые были изложены в первой петиции [документ S/628].

Мы получили теперь контрпетицию [документ S/646]. Таким образом, все дело полностью представлено на наше рассмотрение.

Главным вопросом, от которого зависят все другие вопросы, является вопрос Кашмира. Мне кажется, что мы должны посоветовать обеим сторонам — и они как раз просят нас о том, явившись сюда — заняться разрешением кашмирского вопроса, не предвещая другого вопроса; довести до конца продолжающиеся сейчас переговоры; а что касается средств и способов для создания условий, благоприятных для проведения правильного плебисцита, то посоветовать сторонам прийти к соглашению относительно создания временного правительства, от которого, по общему признанию, не пахло бы порохом, которое было бы настолько беспристрастным и совершенным, насколько это осуществимо для двух таких великих стран, как Индия и Пакистан, и к которому, ввиду его справедливости, весь остальной мир относился бы с доверием.

Это не будет представлять затруднений. Приступая к переговорам в миролюбивом духе, можно найти много способов проявить это миролюбие на практике. Конечно, соглашение должно предусматривать возвращение эмигрантов домой. Такого рода временное соглашение должно дать каждому абсолютно свободный доступ к избирательным урнам, без всяких ограничений, кроме

тех, которые требуются для поддержания законного порядка.

Свободное осуществление избирательного права — вот что, насколько я понимаю, имела в виду Индия, когда требование о проведении плебисцита она ставила предварительным условием для окончательного присоединения Кашмира к любой иной стране. Это может быть отнесено к числу «подвигов» Индии.

Мне хочется, однако, задать другой вопрос. Мои мысли еще недостаточно созрели, чтобы я мог внести какое-либо предложение. Я не вношу конкретного предложения, но спрашиваю только, не лучше ли было бы, если заинтересованные стороны предприняли все шаги, направленные к достижению мира и к нахождению действительного и правильного разрешения весьма сложной проблемы — в частности к проведению плебисцита — под эгидой Совета Безопасности. Ставя этот вопрос, я не хочу сказать, что Совет Безопасности должен, по моему мнению, выехать на место происшествий. Совет Безопасности может выполнять свои обязанности, оставаясь здесь. Кроме того, он может наблюдать за этой временной ситуацией, гарантируя при этом населению Джамму и Кашмира возможность высказать свое желание по вопросу о присоединении, а также по другим вопросам, так как скоро станет также на очередь вопрос о постоянном правительстве.

В связи с этим у меня в голове возникает еще много других вопросов, которых я в данную минуту не затрагиваю.

Генерал МАКНОТОН (Канада) (*говорит по-английски*): Я выступаю сейчас только для того, чтобы вместе с представителями Соединенного Королевства и Соединенных Штатов высказать надежду, что переговоры между представителями Индии и Пакистана под руководством Председателя Совета Безопасности будут продолжаться, пока не будет установлена база для соглашения, целью которого является окончание военных действий, обеспечение населению Джамму и Кашмира безопасности под властью такого правительства, которое было бы признано всеми заинтересованными в этом вопросе лицами, как строго беспристрастное, и — что важнее всего — проведение народного плебисцита, который даст возможность всем гражданам, без страха или какого-либо давления, высказать свои желания относительно будущей формы правления Кашмира.

Судя по тому, что я слышал сегодня утром на заседании Совета Безопасности, я уверен, что, если переговоры возобновятся, то они в результате приведут к конкретным предложениям, которые явятся существенным шагом вперед в этом важном вопросе.

Г-н де-ла-ТУРНЕЛЬ (Франция) (*говорит по-французски*): Я с волнением слушал красноречивый призыв представителя Соединенного Королевства. Мне кажется, что г-н Ноэль-Бейкер прекрасно выразил те чувства, которые мы все испытывали, слушая заявление обеих сторон. В самом деле, совершенно очевидно, что оба правительства, несмотря на возникшую критическую ситуацию, слишком полны сознания огромной ответственности, лежащей на них по отношению к

тем весьма многочисленным народностям, которыми они имеют честь управлять, чтобы дозволить нынешнему разногласию выродиться в конфликт.

Совет Безопасности едва вступил на путь, ведущий к миру. Тем не менее, он принял важное решение, когда он учредил комиссию, облеченную весьма обширными полномочиями, так как эта комиссия обладает одновременно функциями по обследованию и по посредничеству.

Мне кажется, что первой заботой этой комиссии должно быть проведение плебисцита в кратчайшее время. В этом случае мне кажется, что самая быстрая процедура заключается в продолжении, под руководством Председателя, переговоров между обеими сторонами с целью определения условий плебисцита.

С моей точки зрения, таких условий три:

1. Вывод иностранных войск из территории княжества Кашмир;

2. Возвращение в княжество беженцев, независимо от их расового происхождения — будь то индусы или мусульмане — и поселение их вновь в тех местах, откуда они родом;

3. Установление независимой администрации, которая не оказывала бы давления на население и могла бы абсолютно гарантировать свободу выборов.

Г-н СЮ (Китай) (*говорит по-английски*): Китайская делегация с удовлетворением отмечает, что, несмотря на все разногласия, обе стороны в основном согласны. Они согласны с тем, что весь вопрос должен быть урегулирован мирными средствами и что при этом должны быть приняты во внимание желания заинтересованного населения.

Подобно всем, выступавшим здесь членам Совета Безопасности, китайская делегация поддерживает мнение представителя Соединенного Королевства о том, чтобы сторонам было предложено продолжать под руководством Председателя Совета Безопасности рассмотрение средств для урегулирования этого вопроса.

Представитель Соединенного Королевства обратился с призывом, который может быть назван столь же прекрасным, сколько государственно мудрым. Я уверен, что обе стороны отнесутся к нему благожелательно.

Г-н эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Мне хочется выразить свое полное согласие с заявлением представителя Соединенного Королевства, а также с заявлениями членов Совета, выступавших после него. Заявления эти, без сомнения, были очень полезными и будут содействовать продолжению нашей работы, в которой нам уже удалось добиться весьма хороших результатов.

Сирийская делегация надеется, что переговоры эти будут продолжаться под руководством Пред-

седателя Совета Безопасности и что они будут касаться также указанных выше вопросов, особенно вопросов, упомянутых представителями Франции и Канады.

Должен также быть предусмотрен другой вопрос, вызвавший разногласия между сторонами, именно вопрос о беженцах, находящихся вне Кашмира. Им должна быть предоставлена возможность вернуться домой и должны быть приняты меры для возмещения понесенного ими ущерба. Вероятно обеими сторонами будут приняты одинаковые меры. Таким образом, все причины разногласий будут устранены и не останется ни одного неразрешенного вопроса, который мог бы нарушить добрые отношения и дружбу между обоими доминионами.

Как сказал представитель Соединенного Королевства, мы не должны смотреть на прошлое. Мы должны повернуться спиной к прошедшему и смотреть вперед, с целью обеспечить будущее. Но вместе с тем, мы не можем совершенно закрывать свои глаза на прошлое. С обеих сторон произошли известные события. На обеих сторонах имеются беженцы, и им надо дать возможность вернуться на родину. Их положение должно быть в некотором отношении заново урегулировано.

Представитель Франции заявил, что первое условие, которое следует выполнить до проведения плебисцита, состоит в выводе всех иностранных войск из Кашмира. Я хотел бы прибавить к этому, что, по-моему, не только иностранные войска должны быть выведены, но все иностранцы, участники набегов, и горцы, не живущие в Кашмире. Их необходимо вывести для того, чтобы было возможно добиться мирного разрешения вопроса и обеспечить свободу населения при осуществлении им своего права самоопределения.

Г-н де-ла-ТУРНЕЛЬ (Франция) (*говорит по-французски*): Ввиду замечания представителя Сирии, я хочу уточнить свою мысль и указать на то, что под словом «войска» я понимаю как регулярные, так и иррегулярные части, т. е. воинские части, подчиненные какому-либо государству, равно как и племена, не признающие никакой государственной власти.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Было выражено пожелание, чтобы представители Индии и Пакистана продолжали свои переговоры с целью добиться, с помощью Председателя Совета Безопасности, разрешения вопроса на основе как тех пунктов, по которым уже имеется сейчас согласие, так и тех, которые были затронуты во время прений. Если обе стороны и Совет этого желают, то я немедленно вступлю по этому поводу в контакт с представителями Индии и Пакистана.

Если нет возражений, то мы соберемся снова во вторник утром, чтобы продолжать обсуждение этого вопроса.

Заседание закрывается в 1 ч. 55 м. дня